

ОТ СОЗДАТЕЛЕЙ ЛЕГЕНДАРНОЙ СЕРИИ «STALKER»!

СЕЗОН КАТАСТРОФ

Вячеслав ШАЛЫГИН

ОСТРОВ Z

Сезон Катастроф

Вячеслав Шалыгин

Остров Z

«ЭКСМО»

2014

Шалыгин В. В.

Остров Z / В. В. Шалыгин — «Эксмо», 2014 — (Сезон Катастроф)

ISBN 978-5-699-69687-1

День Страха, когда сама реальность дала трещину, открыл в наш мир дорогу абсолютному злу и положил начало Сезону Катастроф. Аномальные зоны покрыли нашу планету незаживающими язвами. Одной из таких язв стал Остров. Именно здесь, среди кровожадных мертвяков и выходцев из иного мира, затеявших Игру на выживание, Андрею Луневу и его команде предстояло продолжить поиск загадочных пакалей, способных спасти нашу планету. Поиск осложнялся тем, что за «изделием ноль» вела охоту не только команда Андрея...

ISBN 978-5-699-69687-1

© Шалыгин В. В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Пролог	7
Зона разлома 11	7
Зона разлома 4	12
Зона разлома 9	19
Часть первая: Шаман	23
Зона разлома 11	23
Зона разлома 11	37
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Вячеслав Шалыгин

Остров Z

19.10.2015. Этот день навсегда останется в истории как «День Страха». Ведь после 19 октября 2015 года именно страх стал главным мотивом поступков всех людей на планете. Кого-то он вогнал в депрессию, кого-то довел до отчаяния, а кого-то, наоборот, обозлил и настроил на сопротивление. И причиной этого страха стало Абсолютно Неведомое, которое принялось медленно, но верно расползаться по планете. Зловещее Нечто прорывалось через бесформенные черные разломы бытия то в одном, то в другом месте и устанавливало вокруг точек прорыва свои, порой совершенно непонятные людям правила игры.

Сначала точка прорыва (это место назвали «зоной разлома») была одна – посреди кенийской столицы Найроби вдруг взметнулся гигантский грязевой фонтан. Но затем появился другой разлом, третий, десятый...

Бангкок, Новосибирск, Дубай, Каракас, Детройт, Москва... это лишь часть списка крупных городов, которые воили в двадцатку пострадавших вскоре после начала ползучего светопреставления. Меньше чем за год, к началу осени 2016-го, число пугающих аномальных зон увеличилось до полусотни и продолжало расти.

Нереальные землетрясения, странные «застывшие» извержения вулканов и невообразимые по силе и продолжительности песчаные бури. Стремительные наводнения в маловодных регионах, тлеющие без пожаров земли, и болота, полные невозможных тварей. Странные поселки, где время меняло свой ход, районы, в которых не удавалось найти нужный дом, потому что здания постоянно перемещались, как шашки на доске, и большие города, в одночасье замерзшие среди жаркого лета. Джунгли, которые кишели мутантами, обросшими зеленью, ипами и мхом, области, затопленные локальными, но непрерывными дождями, и вывернутые наизнанку свалки, которые на поверку оказывались перекрестками миров. Это лишь краткий список проблем, встречавшихся на территориях вокруг разломов реальности.

Поначалу власти пытались изолировать аномальные территории и как-то их изучать, но затем плюнули и пустили дело на самотек. Слишком много стало аномальных зон и слишком разные, не поддающиеся никакой систематизации события происходили на этих территориях. Ни в одном из мест прорыва Неведомого в нашу реальность сценарии его вторжения не повторялись. Единственным объединяющим моментом на первом этапе глобальной катастрофы стало ощущение, что каждый раз из непонятных сопредельных пространств, времен или измерений в наш мир прорывалось худшее, что мог создать или накопить смежный мир.

Никто не мог угадать, где в очередной раз рванет, поскольку не существовало никаких примет-предвестников, что именно здесь образуется разлом, но со временем удалось выделить хотя бы общие признаки аномальных зон. Вот главные из них: подавление всех видов радиосвязи, наличие в центре аморфной черной кляксы разлома, появление поблизости от разлома загадочных человекоподобных существ, так называемых «серых», и загадочные, размером с ладонь квадратные металлические пластины. По одной, две, а иногда по пять и более таких штукovin обязательно находили в пределах аномальной зоны вокруг каждого разлома, через который в очередной раз прорвалось Абсолютное Зло. Какое-то время спустя этим вещам придумали название – «пакали», но их назначение и свойства оставались загадкой до тех пор, пока в этот вопрос не внес ясность созданный бизнесменом Кирсановым Центр Изучения Катастроф. Именно ЦИК и его квестеры – бойцы и ученые исследовательских групп – превратились в главную силу, способную помочь человечеству хотя бы в общих чертах понять, что происходит, и найти свой путь по лабиринту, созданному из осколков мироздания.

Так все и началось. Мир то ли перевернулся, то ли вывернулся наизнанку, не имеет значения. Важно, что миру пришлось принять правила Большой Игры на выживание. Игры, названной ее участниками сезоном Катастроф.

Пролог

Зона разлома 11 Остров, 20 мая 2016 г.

За свою долгую жизнь Охотник видел много полнолуний. Летних, когда Луна кажется гигантской и висит, будто бы прямо над макушкой, или зимних, когда серебристый мячик кажется лишь крупной звездой. Или обычных, по осени и весне, с Луной среднего калибра. Отличия были всегда, но непринципиальные. Фактически Луна оставалась той же, с теми же условными морями, океанами и кратерами. И только сейчас Охотник видел верную спутницу Земли другой. Совершенно другой. Будто бы она вдруг взяла да и развернулась к планете своей темной в прошлом стороной. Охотник мучительно пытался найти «бабу с коромыслом» и другие знакомые пятна на поверхности спутника, но не находил. И это было очень странно.

Хотя еще более странным выглядел небосвод вокруг Луны. Обычно, если пелена легкой облачности затягивала небо, вокруг спутника появлялось нечто вроде размытого светящегося гало, но сегодня слегка светилось все небо, от горизонта до горизонта. Выглядело это красиво – словно небосвод превратился в огромное вогнутое зеркало – но почему-то Охотника не восхищало это странное природное явление. Было во всеобъемлющем свечении что-то неестественное, что-то неправильное. Может быть, тревожило странное ощущение, что кто-то смотрит прямо с этого светящегося неба? Глупость, конечно, но ощущение не проходило, сколько от него ни отмахивайся.

Охотник в сотый раз взглянул на Луну и вдруг понял, почему его преследует это странное чувство. Небо не просто светилось. В нем еще и отражалось все, что находится на Земле. То есть в гигантском небесном зеркале при желании можно было разглядеть очертания лесов, озер, зданий и даже объектов помельче вроде машин. Искаженные, размытые, призрачные, но они действительно отражались в странном зеркале неба.

Зрелище оказалось настолько захватывающим, что Охотник на какое-то время потерял концентрацию и в результате едва не вляпался в крупные неприятности.

Из полумрака почти бесшумно вынырнули несколько фигур. Они быстро окружили Охотника и разом бросились к нему, выставив перед собой руки с растопыренными пальцами. Со стороны могло показаться, что эти люди слепые и пытаются нащупать проводника, который выведет их из леса. Но Охотник точно знал, что люди не слепы. Они отлично видели Охотника, лес, каждое деревце и кустик, и руки они тянули не для того, чтобы ухватить проводника за рукав. Они собирались схватить жертву. Схватить, повалить на землю и разтерзать.

Охотник вскинул ружье и, стараясь действовать спокойно, без нервов, вцепился в тяжелую пулю в грудь каждому из нападавших. Не издав, как бывало и прежде, ни единого звука, враги повалились на землю, но не замертво, а просто подчиняясь законам физики. Эти пули без труда опрокинули вертикальные конструкции на двух опорах.

Охотник перепрыгнул через медленно поднимающихся с земли врагов и помчался в поле. Он чувствовал себя зайцем под фарами машины, понимал, что бегство по прямой через поле – худший вариант, но прятаться в лесу и вовсе не имело смысла. Лес просто кишел сородичами этих агрессивных и прожорливых тварей в человеческом облике. А по ту сторону широкого поля располагалась деревенька. Если удастся до нее добежать, все обойдется. В дома твари не совались ни ночью, ни днем. По какой причине – Охотник пока не выяснил, но факт установил железно. Дома были для тварей – Охотник называл их нелюдями – запретной зоной. В сарай заглянуть могли, а вот в дом с трубой, пусть это будет даже баня, – нет.

Погоня организовалась скоро, Охотник выиграл на старте метров сто, не больше, но бежали преследователи не быстрее среднего человека, поэтому гандикап долгое время был постоянным. Жаль, не удалось сохранить его до самой деревни. Когда до околицы оставалось подать рукой, фортуна повернулась к Охотнику спиной. Дорогу ему преградила обширная лужа. Еще вчера в полдень здесь было практически сухо, а теперь плескался натуральный пруд. Вряд ли глубокий, от силы по колено, но и такой глубины хватило, чтобы притормозить Охотника. Чертовы дожди!

Охотник попытался обогнуть лужу, потом сообразил, что это нереально, и бросился напрямик, поднимая тучи брызг, увязая в донной грязи, падая, поднимаясь и снова падая. Десять секунд форы растаяли, как туман, но преследователи не схватили Охотника. Более того, он не слышал за спиной плеска. Не рискнули соваться в воду? У них водобоязнь, как бывает у бешеных собак?

Охотник обернулся. Так все и было. Нелюди даже близко не подошли к луже. Метров за двадцать до водной преграды они разделились и побежали в обход двумя группами. Охотник собрался с силами и поднажал. Вскоре он был уже на другом берегу, и ему оставалось сделать лишь несколько шагов до забора из серого гнилого штакетника. А там еще немного – и ближайший дом!

В самый неподходящий момент Охотник вдруг споткнулся и упал. Он тут же поднялся и побежал было дальше, но щиколотку пронзила острая боль, и Охотник снова рухнул в грязь.

Отбегался. Больше сказать было нечего. Да и не нужно.

Охотник торопливо перезарядил ружье и сел поудобнее. Четыре выстрела по тварям, последний – себе. Охотник не сомневался, что ему хватит смелости. Лучше уж так закончить жизнь, чем продолжить ее в облике вечно голодного нелюдя. Да и жизнь ли это будет? Существование, и только.

Когда в поле зрения вновь появились нелюди, Охотник поднял ружье, но не успел даже прицелиться. Несколько тварей его перехитрили: подкрались сзади и навалились разом. Охотник почувствовал, как острые зубы впиваются в шею, в плечи... и вдруг забыл о боли в щиколотке, о намерении героически погибнуть в бою, обо всем на свете, кроме мизерного шанса. Его яркое пятнышко нарисовалось посреди залитого лунным светом, но все равно безрадостного фона. Это пятнышко-шанс было бликом на поверхности воды.

Охотник собрал все силы и, стряхивая с плеч нелюдей, ринулся обратно к луже. Когда до кромки воды оставалось пять шагов, не больше, твари притормозили, но и самому Охотнику стало вдруг очень тяжело двигаться дальше. И дело было не в усталости после неравной схватки. Неимоверный, просто космический холод вдруг сковал все тело, а в голове начала пульсировать страшная боль, которая многократно усиливалась при одной мысли о воде.

Понять, что происходит, было нетрудно. Охотник подцепил от нелюдей заразу. Гораздо труднее было это принять и попытаться с этим бороться. Какая-то смутная, неоформленная, но все равно вдохновляющая мысль отчаянно боролась с новыми инстинктами и заставляла Охотника ползти к воде. Через силу, пульсирующую боль, крошево стиснутых зубов и кровь прокушенных губ. Ползти, ползти и ползти. Чтобы выжить и отомстить. За себя, за своих родных, за всех. Нет, не этим несчастным, которые теперь не могут ни жить, ни умереть по-человечески. Тому, кто на самом деле во всем виноват. Найти его и отомстить!

Охотник поднял мутнеющий взгляд. До уреза воды оставалось еще три метра. Целых три метра! Охотник попытался заставить себя двигаться, но сумел сделать лишь пару движений. Секундой позже все его тело пронзила мощная судорога, а затем он забился в припадке. Охотника трясло, как под током, он извивался, корчился, ерзал в грязи, строил нечеловеческие гримасы, но издал при этом лишь один звук – в самом начале он протяжно выдохнул и больше не вдохнул.

Какое-то время спустя он затих.

Прошло не меньше часа, прежде чем Охотник вдруг поднялся на четвереньки и преодолел оставшиеся метры до воды. Столпившиеся поодаль нелюди тоже зашевелились, подались было вперед, но замерли, не сделав и пары шагов. А Охотник тем временем остановился у края лужи и уставился на свое отражение в воде. Вернее – просто на воду. Ведь никакого отражения в ней не было.

Так, на четвереньках, Охотник простоял довольно долго. Поначалу его взгляд был стеклянным. Он не видел и не чувствовал ровным счетом ничего. Но постепенно в глубине зрачков стала появляться некая осмысленность, телу начали возвращаться чувства, а разум наполнился обрывками мыслей. Сумбурных, примитивных, но все-таки мыслей.

Прошло еще около часа, на востоке занялась заря, и Охотник спиной ощутил тепло первых солнечных лучей, пробивших легкую облачность над горизонтом. Возможно, это и стало последним толчком. Охотник за неуловимо короткий миг вдруг осознал, что вновь чувствует тело, опять может нормально мыслить и видеть, а главное – он теперь понимал, что же он видит.

Он снова видел свое отражение в воде. Оно странно двоилось и колебалось в такт движению волн, было искажено страшной гримасой, но больше не напоминало ужасную маску, столь характерную для лиц нелюдей. Да и сам факт наличия отражения говорил о многом. Теперь Охотник знал это точно.

Охотник шумно вдохнул и выдохнул, издав при этом утробный звук вроде рычания.

Он вернулся! Случилось нечто невероятное, возможно, уникальное, но это случилось. Он вернулся из небытия! Более того, он вернулся, прихватив с собой из запредельного мира полезное знание. Очень полезное знание, как все исправить. Пока это был не путь, ведущий к источнику сошедшего на Землю зла, но это была подсказка, как найти этот путь. Уже хорошо.

Охотник осторожно поднялся на ноги. Никакой боли в щиколотке или в шее он не ощутил. Нога была как новенькая, а раны от укусов зажили. Что ж, парой странностей больше или меньше – теперь без разницы.

Охотник обернулся и смерил взглядом замершую поодаль толпу нелюдей. В дневном свете они выглядели вовсе не так страшно, как в лунном. Скорее они выглядели жалко. Охотник сочувственно кивнул и вдруг невольно дал отмашку: «уходите». Нелюди тут же зашевелились, немного потоптались на месте и... побрели прочь! Невероятно, но снова факт.

Дождавшись, когда на пути к деревне не останется нелюдей, Охотник подобрал брошенное ночью ружье, закинул его на плечо и уверенно двинулся к ближайшему двору. Ему больше не требовалось укрытие, отныне он не боялся наводнивших местность нелюдей. Но бурная ночь, проведенная по уши в грязи, все-таки не прошла для него бесследно. Ему нестерпимо хотелось помыться, поесть и отдохнуть, как любому нормальному человеку. Пусть теперь Охотник и не был уверен, остался ли он нормальным и остался ли он вообще человеком. А есть ли разница? Каким ты себя ощущаешь, такой ты и есть. Факт!..

...Наблюдать за странными метаморфозами человека, стоящего на четвереньках у обширной лужи, было страшновато, да и противно, честно говоря, но любопытство оказалось сильнее отвращения и страха. Притаившийся в зарослях на опушке ближайшего перелеска Наблюдатель дождался финала, проводил Охотника задумчивым взглядом, а затем осторожно двинулся к тому месту, где в грязи остались глубокие отпечатки. Приблизившись, Наблюдатель внимательно осмотрел место, а после заглянул в воду.

Поначалу ничего, кроме собственного колеблющегося отражения, он не увидел, но потом ему показалось, что под толщей воды что-то блеснуло. Красноватый блик на мгновение ослепил Наблюдателя и тут же исчез. Наблюдатель присел, закатал рукав и пошарил рукой по дну. Блестящая вещица отыскалась почти сразу. Наблюдатель ополоснул ее в воде и удивленно уставился на свое новое отражение, но теперь не в воде. Вещица оказалась зеркальцем. Небольшим, квадратным, со стороной около двенадцати сантиметров, но что самое интересное, не

стеклянным, а металлическим. Неизвестный легкий металл имел красновато-медный отлив и был отполирован до зеркального состояния.

Наблюдатель перевернул зеркальце. С другой стороны вещица была точно такой же, но... черт побери! От неожиданности Наблюдатель едва не выронил странную вещицу. Эта сторона зеркальца не отражала своего нового владельца! Словно его не было! Наблюдатель видел заболоченное поле, деревню, лес вдалеке, небо, солнце, но не видел себя!

Он торопливо перевернул зеркальце и выдохнул с облегчением. Другая сторона, как, впрочем, и полагается нормальному зеркалу, исправно отражала изумленную физиономию Наблюдателя. Одна проблема – эту сторону пересекали несколько глубоких царапин, образующих геометрическую фигуру – трапецию. Причем пропорции фигуры были такие, что можно вставлять в школьный географический атлас. Подобными значками обозначаются месторождения нефти или газа. Из-за этой насечки отражение в «медном» зеркальце как бы дробилось на фрагменты, но это не мешало Наблюдателю увидеть себя, а значит, все было в порядке. Наблюдатель не сошел с ума и, что более важно, не начал перерождаться в мистическую тварь, не имеющую отражения и не отбрасывающую тень.

Наблюдатель сунул удивительный артефакт в карман, воровато оглянулся и быстро двинулся обратно к перелеску. Он пока не знал, чем конкретно ему удалось разжиться, но чувствовал, что вытянул из лужи счастливый билет. Сто процентов!..

...Когда-то давно ходил анекдот про дом терпимости, в котором наблюдение через замочную скважину за обслуживанием клиента стоило вдвое дороже самого обслуживания. А наблюдение за наблюдающим – втрое. Шутка незатейливая, но это как раз тот случай, когда доля истины в шутке довольно велика. Важность выводов, сделанных в результате изучения реакции Наблюдателя, было трудно переоценить. Поведение этого человека предоставило обильную пищу для размышлений. Следивший за Охотником и Наблюдателем высокий худощавый «серый» еще долго стоял на месте, прячась в тени густых елей, будто бы не сразу сумел разложить все выводы по нужным полочкам. Лишь в момент, когда солнце поднялось к зениту, «серый» вышел из ступора и двинулся в сторону деревеньки. Туда же, куда несколькими часами раньше отправился Охотник.

«Серый» без труда определил, где укрылся человек, но заглядывать в дом не стал. Он прошел мимо, даже не притормозив. «Серого» не интересовал Охотник. Он двигался к разлому, который чернел в самом центре деревни. Игра началась, но пока в нее не вступит третья команда, «серому» здесь нечего делать. А значит, незачем и задерживаться. Имелись дела поважнее.

И все-таки ему пришлось заглянуть в один из дворов. Когда до разлома оставалось всего ничего, из черной кляксы появились сородичи «серого». Пришлось резко менять курс и прятаться. Высокому худощавому «серому» категорически не хотелось встречаться с коллегами. Особенно с этими, возглавляемыми Мастером Игры.

«Серый» торопливо открыл локальную пространственно-временную червоточину и скользнул подальше, насколько это было возможно, в пределах Острова. Вышло неплохо. Он очутился в десятке километров от разлома, у единственного моста, соединяющего Остров и Большую землю. По мосту шли колонны машин, брели беженцы, а вокруг подступов к мосту на обоих берегах сутились многочисленные люди в форме. Шла «фильтрация» и одновременно возводились блокпосты. В такой толчее и суете на «серого» никто не обратил внимания, хотя его «униформа» выглядела необычно: серый облегающий костюм и шапочка-маска без прорезей. Впрочем, все служивые были в респираторах и даже в ОЗК, а гражданские в марлевых масках, либо просто прикрывали лица платками и шарфами, так что при желании здесь можно было найти и не таких «фантомасов».

«Серый» прижался к единственной машине, съехавшей с моста по эту сторону разлившейся реки. Экипаж машины его не заметил. Люди вели себя спокойно. Один высунулся в окошко и наблюдал, как военные пытаются навести понтонную переправу, чтобы разгрузить мост, а другой фотографировал. Журналисты?

«Серый» дождался, когда журналисты решат двигаться дальше, и, как только машина тронулась, вновь активировал червоточину. Вернувшись к месту старта, «серый» нырнул наконец в разлом. Активацию разлома наверняка заметил Мастер Игры, но вернуться и поймать нырнувшего «серого» Мастер и его помощники уже не успевали. Ведь они бросились по следу через локальную червоточину в район моста. Чтобы убедиться, что это был ложный след, Мастеру пришлось сделать лишний ход.

Получалось, что высокий и худощавый «серый» вновь опережал Мастера на один шаг. Мало, но в Большой Игре и не бывает солидного преимущества. Да и важно ли, с каким счетом одерживать победу? Важна сама победа.

Зона разлома 4 Бангкок, 15 июля 2016 г.

То, что схватка с местными чудовищами проиграна, Лидер Большого передового отряда Армии Огня понял еще до того, как погиб последний из его воинов. Два десятка бойцов из мира Хрустального Огня отчаянно сражались с местными мутантами-гринменами на Земле, а около дюжины поднимались по лестницам высотного здания, в надежде перехватить людей-квестеров и отнять у них ценнейший комплект пакалей. То есть шанс пока оставался, но Лидер уже не верил в успех. Лидер отлично понимал, что окружающий зеленый кошмар не позволит выиграть битву. Все эти двуногие существа, похожие на обросших мхом, листвой и колючками лещих, все эти звери, покрытые корой, ветками и деревянными шипами, даже птицы с густыми ветвями вместо крыльев – все эти «зеленые драконы», как выражались местные жители – были настроены против чужаков, телепортированных пакалями из двадцать девятой Киевской зоны нестабильности. И тот факт, что для зеленых мутантов и чужаков из мира Огня главными врагами были люди, ничего не менял. Формула «враг моего врага – мой друг» здесь не работала. «Каждый за себя и свою территорию», вот каким был девиз местной зеленой мерзости. Воины Армии Огня или обычные люди – зеленым драконам было все равно. И те и другие – враги и подлежали уничтожению. Хотя людям повезло чуть больше. Их могли не уничтожить, а превратить в гринменов. А вот чужакам светило самое худшее, без вариантов. Превращение неприспособленных к местным условиям чужаков в гринменов не имело никакого смысла.

Подтверждалось это умозаключение тем, что зеленые твари рвали воинов Армии Огня в клочья. С запредельным азартом и без малейших колебаний. Наземная группировка уже почти исчезла, лишь два или три бойца еще мелькали в зарослях, преследуемые гринменами, а от группы, штурмующей здание, остались четыре воина, да и те кувыркались высоко в воздухе. Стоило им выбраться на крышу, их сбросили оттуда зеленые птицы. И теперь летающие «драконы» играли бойцами в воздухе, как мячиками.

Плохая смерть, недостойная воина.

Лидеру повезло чуть больше, чем его бойцам. Во-первых, он был гораздо мощнее и легко отбил от нескольких гринменов, а во-вторых, его страховали временные союзники, рейнджеры, которых Лидер подкупил и заставил прикрывать его отряд во время рейда в центр чужой зоны нестабильности. Отряду в целом прикрытие несильно помогло, но Лидера американцы спасли. Что и неудивительно, ведь он обещал генералу Джонсону, командующему местной группировкой войск, изолирующих зону, пакаль. Даже два. Для генерала это было немислимое богатство. В результате Джонсон лично приказал своему помощнику, проводившему операцию, вывезти Лидера из мясорубки. И помощник, полковник Доминик, выполнил приказ. Лидер сидел на борту вертолета, который уже поднялся над деревьями и вот-вот должен был заложить вираж, чтобы уйти на базу.

– Туда! – вдруг приказал Лидер и махнул рукой.

Доминик и два его бойца, сидевшие в вертушке, невольно вздрогнули. Лидер понял, что в пылу сражения ослабил самоконтроль и забыл принять человеческий облик. Он трансформировался в подобие человека и повторил приказ.

– Туда! Зависнуть над крышей!

– Ответ отрицательный, сэр, – возразил Доминик. – Генерал приказал доставить вас на базу.

– Генералу нужен не я, а пакали, – лидер вручил Доминику один из двух имевшихся артефактов. – Это залог! Когда закончу, брошу вам второй!

– Бросите?

– Да, полковник. Поймаете, и свободны! Сам я уйду другим путем. Высаживайте меня на крыше! Сейчас же!

– Да, сэр, – Доминик подался вперед и хлопнул пилота по плечу. – Высадка на крышу. Канат?

Он вопросительно взглянул на Лидера.

– Обойдусь, – отмахнулся чужак и принял свой истинный облик.

Вертушка подлетела к точке высадки вовремя. Об этом просигналил лежащий в кармане пакаль. Он осязательно завибрировал, сообщая таким способом, что поблизости имеются другие артефакты. И, судя по силе вибрации, пакаль указывал вовсе не на отданный Доминику артефакт. Прошла минута, и Лидер увидел подтверждение своей догадки. На крышу выбрался человек, который держал в руке внушительную пачку из пяти артефактов. Лидер без труда узнал этого человека. Это был Старый, или Андрей Лунев, который уже не впервые появлялся в самый неподходящий момент и отнимал у Лидера верную добычу. Что ж, теперь с этим будет покончено. Цепь событий замкнется. Раз и навсегда...

...Выход на смотровую площадку был открыт. Круговая металлическая платформа шириной в три метра с остатками защитной решетки над бортами давно и прочно застряла в одном положении. Как раз в том, которое позволяло свободно выходить на нее с лестничной площадки. Но даже заработай вновь механизмы, платформа вряд ли пришла бы в движение, черная клякса разлома занимала почти половину ее окружности и надежно зафиксировала смотровую площадку в нынешнем положении.

Лунев двинулся по площадке влево, но путь к разлому преградил завал из какого-то хлама. Перебраться через него было возможно, однако Андрей не видел смысла терять время. Он развернулся и двинулся в другую сторону. Там подход к разлому был вроде бы свободен. Попутно Андрей бросил взгляд вниз.

Джунгли вокруг здания все еще волновались. Казалось, что их зеленое море охватил средней силы шторм. Рассмотреть мелкие детали и подробности происходящего внизу было трудно, однако Андрей смог разглядеть пару красноречивых эпизодов, произошедших выше среднего уровня верхушек деревьев.

В первом эпизоде участвовали чужаки и крупные зеленые птицы. Несколько летающих мутантов подняли трех чужаков высоко над деревьями и отпустили. Падение с такой высоты не обещало пришлым тварям ничего хорошего, но птицы решили действовать наверняка. Три стаи птиц помельче набросились на падающих чужаков и принялись рвать их в клочья прямо на лету. Получалась просто иллюстрация к выражению «торжество справедливости». В двадцать девятой зоне чужаки крошили в капусту людей, а здесь та же участь постигла их самих.

Второй эпизод был в пользу рейнджеров и, как выяснилось чуть позже, все тех же тварей. Та самая «штабная» вертушка, что снизилась по сигналу ракеты, вдруг вынырнула из зеленого моря и быстро поднялась на высоту смотровой площадки. Птицы попытались ее атаковать, но сделали это необдуманно, бросились на добычу сверху, и большая часть стаи была перемолота винтами вертолета.

Андрей поднял взгляд, и до него дошло, что назревает третий эпизод. Причем с его участием. Вертушка не просто так поднялась именно на высоту площадки. Она зависла в опасной близости от здания, и на площадку с борта вертушки спрыгнул... особо крупный чужак! Тот самый, в узорчатых доспехах и с офицерским тесаком. Во время «дымерской» встречи с Андреем он маскировался под Комиссара.

Какого черта он делал на борту американской вертушки? Однозначно ответить было трудно, хотя теперь становилось понятно, почему вертолеты не стреляли по просеке и нижним уровням здания и почему рейнджеры пытались придержать Лунева и компанию на средних этажах. Они хотели таким образом выиграть время для прорывающихся снизу тварей. То есть

чужаки каким-то образом договорились с бравыми американскими войсками о совместной операции!

Вертушка ушла на вираж, и в ту же секунду противник поднял тесак и бросился на Андрея. Лунев не стал усложнять и без того непростую ситуацию и разрядил в него весь магазин. Ни одна пуля не пробила доспехи врага, но атаку чужака скороговорка «Беретты» сорвала. Чужак споткнулся, наугад махнул тесаком и промазал. Андрей тем временем ухитрился проскользнуть вдоль стены ему за спину и от души врезал твари в затылок рукояткой пистолета. Чужак упал, пару раз кувыркнулся и вскочил было на ноги, но не удержался и рухнул на колени.

Пока чужак приходил в себя, Лунев сумел добежать до разлома и размахнулся, чтобы забросить пакали в черную кляксу. Чужак взвыл, на пике воя переходя в ультразвуковой диапазон, но Андрей выдержал эту звуковую атаку.

Однако пакали в разлом он все-таки не забросил. Только помешал ему не чужак, а «серый». Он, как чертик из шкатулки, выпрыгнул из-за угла и встал на пути у Андрея, подняв руку чуть выше плеча раскрытой ладонью вперед. Смысл жеста был вполне понятен: «Стой!»

– Мастер Игры? – спросил Старый.

– Да, Андрей Лунев, – голос Мастера звучал, казалось, ниоткуда и сразу отовсюду. – Ты закончил игру.

– Я выиграл?

– Да. И ты получишь приз.

– Я играл не один.

– Ты и вся твоя команда: Ольга, Александр, Константин и Михаил. Отдай мне пакали.

– Держи. – Андрей бросил Мастеру Игры пачку артефактов.

Тот поймал пакали, кивнул и сделал шаг назад, к разлому. Но, прежде чем исчезнуть в нем, Мастер снова кивнул, теперь указывая за спину Луневу.

Андрей мгновенно отреагировал на подсказку «серого». Он пригнулся и с разворота ударил ногой чужаку в голову. Удар прошел, но чужак не рухнул навзничь. Более того, он сумел схватить Лунева и лишь после этого завалился, но не назад, а вправо. Как раз в ближайшую дыру в ограждении смотровой площадки...

...Лететь до Земли было довольно далеко, поэтому и у Лидера, и у Старого оставалось время не только подумать о прожитой жизни, но даже поговорить. О чем? Хотя бы о том, что погибать именно сейчас будет глупо.

Лидер активировал режим Ускоренной Жизни (ее запаса осталось на считанные минуты, но сейчас экономить было нелепо) и достал из кармана черный пакаль.

– У тебя красный с тигром! – частично, только в плане изменения голоса, включая человеческий облик, крикнул Лидер. – Ударь!

– У тебя есть свой красный, минский!

– Я отдал его людям-помощникам как залог! Бей!

– Не вопрос! – Старый вынул из кармана красный пакаль.

Лидер, конечно же, сразу попытался выхватить пакаль у Старого, но тут вновь произошло нечто невероятное. Человек его опередил! Опередил, несмотря на то, что Лидер находился в режиме Ускоренной Жизни! Проклятый человечиска выхватил у Лидера черный пакаль, да еще умудрился оттолкнуть чужака так, что тот кувыркнулся и полетел в сторону здания – напрямиком в объятия хищных растений!

Лидер успел увидеть, как Старый соединяет пакали и исчезает, а в следующий миг его захлестнули, обвили и крепко зафиксировали упругие зеленые лианы.

Лидера основательно встряхнуло, но он остался в сознании. Зеленые веревки принялись его душить, однако Лидер не растерялся и не запаниковал. Он собрал в кулак всю волю и самообладание, сосредоточился и включил на полную катушку свой талант к перевоплощению.

Ровно через секунду на высоте примерно тридцатого этажа в объятиях хищных лиан висел уже не Лидер пришельцев из мира Хрустального Огня, а зеленый, поросший мхом, побегами и колючками гринмен. Или гринбист. Как посмотреть.

Растения тут же ослабили хватку и позволили Лидеру начать медленное скольжение между лианами вниз. Очень скоро замаскированный под зеленого мутанта чужак очутился на земле.

Теперь ему ничто не мешало уйти с опасной территории на свободный от хищных растений участок, но Лидер не стал спешить. Раз уж его приняли за своего лианы в центре зоны, остальные зеленые драконы примут и подавно. Да и некуда ему теперь спешить. Выбраться из четвертой зоны Лидер не мог по определению. У него больше не было для этого пакалей. Ведь красный пакаль он отдал Доминику, чтобы полковник рискнул и доставил подопечного к смотровой площадке.

«И вот я в ловушке. – Лидер с опаской оглянулся. – Пока не отыщу хотя бы один из оставшихся в этой зоне пакалей и не соединю его с красным, которым теперь владеют Доминик и Джонсон, продолжить свою борьбу я не смогу. Утешает, что я все еще жив, а значит, могу надеяться на лучшее».

Лидер еще раз оглянулся, принюхался и медленно двинулся в обход зеленой башни отеля, ориентируясь на запах крови воинов Хрустального Огня, погибших в бою с гринменами. Нет, Лидер не собирался мстить гринменам за убитых сородичей. Он задумал проверить нечто более уместное в сложившейся ситуации. Лидер собирался временно стать одним из гринменов. Ведь только они знали все секреты четвертой зоны – в частности, знали, где искать здешние пакали. А там будет видно, если не случится еще что-то неожиданное.

Лидер вышел на опушку леса и замер. Как выражаются люди, словно глядел в воду, когда подумал о новых неожиданностях. План Лидера сорвался так же, как предыдущий, но теперь чужак не огорчился. В сотне метров от места его приземления обнаружилась поляна, над которой зависла вертушка полковника Доминика.

Почему полковник не улетел, было понятно. Доминик имел четкие инструкции от генерала Джонсона: вывезти из зоны либо чужака, либо два пакаля. Доминик не мог знать, что у Лидера больше нет артефактов, поэтому пытался отыскать тело рухнувшего с башни чужака и забрать ценную вещицу.

Что ж, это было выгодно Лидеру. У него появлялась возможность легко и непринужденно вернуть отданный Доминику артефакт. Эх, будь у Лидера вторая вещица, он мгновенно решил бы сразу все проблемы, но на безрыбье, как говорили все те же люди, и омар годится в пищу. Или как-то так. В любом случае даже один пакаль лучше, чем ничего. И пусть на поиски второго, местного, артефакта, могло уйти слишком много времени, да и риск был чересчур велик – наличие в кармане пакаля рушило маскировку под гринмена. Упускать добычу, которая сама идет в руки, было глупо. К тому же не факт, что второй пакаль придется искать. Вполне возможно, такая вещица найдется где-то на базе у рейнджеров. У Лидера быстро созрел новый план, и он без колебаний взялся за его выполнение.

Лидер перешел в режим Ускоренной Жизни и мгновенно переместился к вертушке. Два высадившихся бойца поисковой группы шарахнулись в стороны от внезапно появившегося «гринмена», развернулись, прицелились, но Лидер вовремя сменил облик, и бойцы сообразили, что стрелять не следует. Чужак ловко запрыгнул на борт вертушки и трансформировался в подобие человека.

– Рад, что уцелели, сэр, – без особой радости в голосе произнес Доминик. – Все по плану? Уходим на базу?

– Да, полковник, – Лидер кивнул.

Доминик махнул рейнджерам, они попытались забраться на борт, но Лидер им этого не позволил. Одного он проткнул кинжалом, а другого просто ударил ногой в лицо. В следую-

щий миг он приставил клинок к горлу Доминика и похлопал свободной рукой по карманам полковника. Пакаль нашелся почти сразу. Лидер отнял вещицу у Доминика и удовлетворенно оскалился.

– А теперь скажите честно, полковник, есть еще пакали?

– Нет. – Доминик нервно сглотнул. – Насколько мне известно.

– А если подумать?

– Этим занимается группа биологической разведки. Она подчиняется непосредственно начальнику базы.

– То есть генералу Джонсону?

– Да.

– Взлетаем! Мне нужно покинуть эту зону. Хочу еще раз встретиться с генералом.

– У меня нет полномочий, – хрипло ответил Доминик.

– У меня есть. – Лидер прижал клинок к горлу Доминика чуть сильнее. – Считаете, их недостаточно?

– База находится за пределами зоны, вы чужак и не сможете покинуть ее без спецсредств. Это... должен быть специальный контейнер, но...

– Разве эта машина не сгодится? – не дал ему закончить Лидер.

– У вертолета демонтированы боковые двери, он не герметичен. Нужен контейнер. Но это не...

– Хорошо, Доминик, тогда мы встретимся с генералом в зоне, – вновь прервал его чужак. – Где базируется передовой отряд этой вашей группы биологической разведки? Наверняка внутри периметра.

– Старый аэродром, но...

– Отлично, летим туда. Вы отправите посыльного, а пока он ходит, мы побеседуем с вашими разведчиками. Возможно, генералу не придется мчаться в зону.

– Да послушайте вы! – не выдержал полковник. – Генерала нет на базе! Как раз когда началась операция, он улетел в штаб группировки, на Самуи.

– Подстраховался? – Лидер усмехнулся вполне по-человечески. – Что ж, это несколько усложняет дело, но плана не изменит. Летим на старый аэродром. И учтите, полковник, если вы задумаете какую-нибудь военную хитрость, я вернусь в свой истинный облик и порву вас в клочья. Вместе со всеми, кто окажется поблизости. Вам ясно?

– Стандартная ситуация, – Доминик мрачно взглянул на Лидера. – Я сразу предполагал, что одной операцией дело не закончится. На старом аэродроме есть подходящие контейнеры. Мы используем их для вывоза подопытных гринменов. Если вам требуется всего-то покинуть зону, я могу это организовать. Мы погрузим вас в транспортный самолет и вывезем. Куда пожелаете. Думаю, вам нужно в Киев?

– Это реально?

– Вполне. Только не гарантирую немедленный вылет. Экстренные действия вызовут подозрения. Придется ждать.

– Как долго? – Лидер убрал кинжал от горла полковника.

– Не знаю. Но обычно на подготовку борта уходит от трех суток до недели.

– Слишком долго!

– Двадцатого числа генерал Джонсон должен прибыть в Объединенный штаб. Это в Брюсселе. Мы подождем, но зато генеральский борт уйдет без досмотра. Киев по пути. Транспортные самолеты часто совершают промежуточные посадки.

– Хорошо, полковник, – сказал Лидер после короткой паузы. – Но в этом случае вам придется выбрать контейнер побольше. На двоих. Вы станете моей страховкой, заложником.

– Какие гарантии, что вы не избавитесь от меня в своей зоне? – Доминик недоверчиво взглянул на чужака.

- Слово генерала. Я сдержал его, когда отдал вам пакаль. Сдержу его и в следующий раз.
- Отдали и сразу отняли, – Доминик усмехнулся.
- Ситуация изменилась, – Лидер вздохнул с фальшивым сожалением и развел руками. – Но это запасной вариант. На случай если ваши разведчики не хранят в сейфе пакаль.
- Не хранят, – уверенно заявил Доминик. – Имейся у нас свои пакали, мы не стали бы рисковать и заключать сделку с вами.
- В таком случае... приказывайте заготовить местечко для большого контейнера на генеральском борту.
- Да, сэр. – Полковник понимающе кивнул. – Пилот, летим на старый аэродром! Садись у ангара биологической разведки...

...Высокий худощавый «серый» вернулся в четвертую зону с запозданием, но без труда определил маршрут вертушки и переместился на заброшенный аэродром Суваннабуми в тот самый момент, когда Лидер чужаков выбрался из вертушки и в сопровождении Доминика направился к ангару группы биоразведки. «Серый» вряд ли рассчитывал на Лидера как на главного игрока, но и списывать его вчистую явно не собирался.

«Серый» вновь активировал локальную пространственно-временную червоточину и скользнул внутрь ангара.

Лидер чужаков и американский полковник стояли напротив большого контейнера и слушали пояснения какого-то сержанта. Пару раз кивнув, полковник вошел внутрь контейнера и осмотрелся. Сержант вошел следом и указал на дальнюю стенку. Чужак тем временем оставался снаружи. Более удобный момент мог не представиться.

«Серый» переместился за спину Лидеру бесшумно, но чужак все равно почувствовал его присутствие. Он тут же принял свой натуральный облик, прямо скажем – не самый приятный, резко обернулся и оскалился.

«Серый» не отпрянул и даже не замешкался. Двухметровая образина, отдаленно похожая на саблезубую гориллу, только с горящими красным светом глазами и в странных доспехах, не напугала «серого». И на приготовленный чужаком к бою короткий меч «серый» не обратил внимания. Он повелительным жестом приказал чужаку успокоиться и показал ему зеркальный пакаль.

Замысел «серого» дошел до Лидера мгновенно, однако чужак не спешил воспользоваться заманчивым предложением. «Серый» дважды, грубо говоря, «кидал» чужаков. Что мешало ему в третий раз обмануть и заставить Лидера делать то, чего ему не хочется? С другой стороны, какой у чужака выбор? Довериться людям или довериться «серому»? Понятно, что альтернатива не менее опасна, но если люди обязательно попытаются убить чужака, то «серый» определенно предлагал сыграть. То есть давал реальный шанс не только выжить, но и что-то приобрести. Какой-то бонус.

Лидер наконец решил. Он спрятал оружие, вернулся в облик человека и достал из кармана красный пакаль. Еще секунду поколебавшись, он шагнул навстречу «серому» и ударил своим пакалем по зеркальной вещице в руке у хозяина...

...Лидер чужаков не знал точно, в какую зону перебросил его «серый», но она была очень похожа на двадцать девятую. Та же природа, насыщенный влагой воздух, и вроде бы те же запахи и звуки. Но Лидер не верил, что «серый» вдруг решил исправиться и принести чужаку таким вот образом извинения за все подставы и прочие прегрешения.

Зона была очень похожа, но вряд ли это была двадцать девятая. Лидер вернулся в истинный облик и принялся. В естественном виде он имел очень острое обоняние.

Да, это была другая зона. Запахи отличались. Растительность пахла похоже, а вот запахи животных и людей были другими. А еще здесь пахло... тленом. Мертвечиной. Гниющей пло-

тью. Такое впечатление, что окружающие Лидера заросли скрывали обширное кладбище. Причем разрытое.

Зона разлома 9 Пакистан, 20 июля 2016 г.

Стычка с квестерами в московской аномальной зоне завершилась не слишком удачно, но бывшего уголовника, а теперь вольного искателя приключений по прозвищу Лектор это не огорчило. Он выжил, хотя по всем раскладам должен был остаться на дне Московского моря, как осталась его банда. Мало того, Лектор сумел удачно смыться и сохранить ценный артефакт – красный пакаль. Вполне приличный расклад. А тот факт, что в результате кратковременного соединения пакалей – своего и чужого, который остался у противника по прозвищу Старый, – Лектор очутился неведомо где, можно списать в издержки. Решаемая проблема.

Лектор впервые воспользовался услугами транспортной компании «Пакаль-пакаль», поэтому какое-то время после телепортации анализировал внутренние ощущения, а не глазел по сторонам. Если честно, ничего особенного он не почувствовал. Просто – хлоп! – и очутился в другом месте.

Гораздо больше было ощущений «внешних». В первую очередь Лектору мгновенно стало жарко. А еще его ослепило яркое солнце.

Лектор поймал себя на том, что невольно задержал дыхание и уже пора бы вдохнуть. Глубокий вдох дополнил картину окружающего мира множеством незнакомых запахов, а затем глаза привыкли к яркому свету, и Лектор наконец сориентировался, где теперь находится. Сориентировался приблизительно, но ведь не все сразу.

Лектор стоял на краю глубокого оврага, почти ущелья. Справа и слева высились скалистые горы, а позади – он обернулся – простиралась засыпанная песком и желтоватой пылью равнина. И над всем этим унылым восточным пейзажем висело безжалостное солнце.

«Чумовое распределение! В центр пустыни. Да еще не факт, что на родной планете!»

Ходили слухи, что некоторые разломы открывают путь в другие миры, даже в иных звездных системах! Лектор не проходил через разлом, но, кто знает, какие двери отпирают эти странные артефакты? Может быть, они тоже способны зафутболить незадачливого владельца за тридцать земель и планет?

На миг Лектор запаниковал, но затем успокоился, поскольку обнаружил, что пейзаж имеет еще одну деталь. Вполне земную и узнаваемую. Вдалеке, метрах в трехстах от ущелья, пролегалo узкое асфальтовое шоссе. Над ним поднималось едва заметное марево: перегретый воздух висел над шоссе, словно прозрачная вуаль, и слегка подрагивал. Открытие взбудрило Лектора, но он не бросился сломя голову в сторону шоссе. Если пакаль доставил его именно к ущелью, а не к обочине дороги, значит, в этом имелся скрытый смысл. Например, в овраге ждал сюрприз. Какой?

Лектор сделал шаг к ущелью и заглянул вниз.

«Вот такой! – Лектор хмыкнул. – В виде сгоревшего автобуса. Очень интересно. Но что дальше?»

Лектор повертел головой и вдруг обнаружил едва заметную тропу. Она словно узкий пешеходный серпантин, вела вниз, на дно ущелья. Даже по предварительным прикидкам, на спуск могло уйти довольно много времени, но куда ему спешить? Укрыться от палящего солнца все равно негде, а в автобусе или поблизости могли отыскаться новые зацепки-подсказки. Да и какие-нибудь полезные вещи, почему нет?

Лектор ступил на тропу и еще раз присмотрелся. По этой дорожке никто не ходил уже давно. И это означало, что имеется шанс и впрямь чем-нибудь поживиться. Лектор, конечно, предпочитал быть коршуном, а не стервятником, однако сейчас у него не осталось выбора.

Спуск на дно ущелья занял около получаса, тропинка то и дело пропадала, на склоне встречались трудные участки, а кое-где приходилось и вовсе съезжать на пятой точке, но Лек-

тор справился с первым заданием нового квеста, если можно так выразиться. И получил за это заслуженную награду.

Автобус сгорел дотла вместе с большинством пассажиров, однако случилось это после того, как машина врезалась в скалистое дно и буквально развалилась надвое, отчего три человека и часть вещей были отброшены далеко в сторону. Эти самые вещи и ненужное теперь мертвым пассажирам имущество и стали добычей Лектора.

Первым делом он напялил позаимствованную у одного из мертвецов панаму и быстро осмотрел уцелевшее барахло. Две сумки были набиты всякой чепухой, в одной было спрятано перемотанное тряпками оружие – три автомата «Хеклер и Кох», и пачки с патронами, – а последним оказался добротный кейс, вскрыть который без специального инструмента было почти нереально. Но Лектор и не стал пока застревать в деталях. Он обшарил трупы и убедился, что проникательность его опять не подвела. В карманах погибших пассажиров нашлась небольшая сумма наличными, множество полезных вещей вроде складешков и фонариков, а также вполне рабочий, лишь наполовину разряженный смартфон. Как средство связи гаджет не работал – может быть, только здесь, на дне ущелья? – но в качестве источника информации оказался очень полезен.

«Вот почему он не работает на прием, – понял Лектор, изучив несколько файлов и карту в смартфоне. – Я снова в зоне разлома. Номер... девять. Пакистан, форт Рохтас. Всю жизнь мечтал. А эти мертвые граждане – квестеры ЦИК. Не повезло им, плохо закончился квест».

Лектор притормозил с получением информации и закончил осмотр добычи. В кармане у третьего квестера он нашел, что искал. Ключи от кейса.

В чемоданчике обнаружилось много чего интересного: паспорта, другие документы, вплоть до реальных удостоверений ЦИК, пластиковые карточки, планшет с портативным зарядником-генератором и еще немного наличности, но не было главного – того, что вполне могло оказаться у квестеров – пакаля.

«Значит, хлопнулись с обрыва в самом начале квеста, – сделал вывод Лектор. – Плохо дело. Или, может, пакаль был не в кейсе, а у кого-то из застрявших в автобусе?»

Он достал из кармана красный пакаль с тигром и попытался сосредоточиться на ощущениях. Никаких подсказок артефакт не дал. Остался прохладным (в такой-то жаре!) и даже не дрогнул, хотя в Москве, помнится, вибрировал, как дамский угодник, стоило приблизиться к другому пакалю на километр.

Лектор все-таки обследовал автобус и даже изучил обугленные останки пассажиров, но пакаля так и не нашел. Вот нутром чуял, что пакаль здесь был, но не нашел ни артефакта, ни хотя бы подсказок, куда он мог подеваться. Неужели все-таки его опередили? Кто это мог быть? И почему они не взяли вещи, оружие, деньги?

«Получается, неместные. Вряд ли небогатые пакистанцы оставили бы здесь такие сокровища. Один «Хеклер» продать – полгода можно жить припеваючи. Значит, если кто-то и прихватил пакаль раньше меня – он такой же пришлый искатель приключений. Вывод предварительный, но надо ведь от какой-то печки плясать. Если все так, имеется зацепка – чужак. Уже легче. Было бы замечательно, конечно, обойтись без всех этих зацепок, тупо найти пакаль, а дальше – хлоп, и умотал бы куда-нибудь, где не так жарко. Но если без сложностей никак, то... по большому счету все замечательно. Есть документы, деньги, оружие и, главное, информация. На крайний случай: выбраться отсюда получится и без второго пакаля. Не так быстро, но получится, без сомнений».

Лектор облизнул пересохшие губы. Возможно, по большому счету все и было замечательно, но уж очень жарко. И всего один этот факт ставил под угрозу срыва все планы Лектора. Что толку от денег и оружия, если ты в пустыне без воды?

«Вот ведь судьба, – Лектор усмехнулся. – То воды кругом – залейся, то наоборот. То сорок разбойников под рукой, а то один, как саксаул среди пустыни. Не заскучаешь в таком режиме при всем желании».

Лектор собрал в сумку все самое нужное, снарядил магазины, повесил на шею карточку-удостоверение квестера и поднял взгляд на крутой склон.

«За водой, за пакалем, за транспортом – неважно, путь один, в этот самый форт Рохтас, – решил Лектор. – А там разберусь, что делать дальше. Если не отыщется второй пакаль и не будет подсказок, тупо продам пакаль, который уже имеется, и куплю билет домой. Еще и на красивую жизнь останется. А может, здесь на какое-то время останусь, погрею кости. Здесь красивую жизнь мне еще лучше организуют. Восточные товарищи знают в этом толк. Почему нет?»

Приняв решение, Лектор двинулся по тропе вверх. Подсказок он по-прежнему не слышал и не ощущал каких-либо признаков активности красного пакаля в кармане, но почему-то и без того чувствовал, что все делает правильно. И чем выше он поднимался, тем сильнее становилось это чувство, увереннее движения и слабее всякие сомнительные намерения вроде «купить билет домой».

К моменту, когда Лектор вновь очутился наверху, никаких посторонних мыслей в голове у него не осталось. Он появился в этой зоне разлома явно неслучайно, а значит, должен был «отработать ситуацию» до конца. И пусть пока Лектор не понимал, в чем заключается его новая миссия, это не имело значения. Придет время, придет и понимание. А там, глядишь, наберется столько пакалей, что хватит и на очень красивую жизнь. Почему нет?..

...Поначалу Лектор брел в сторону форта неторопливо, стараясь беречь силы. На таком солнцепеке они улетучивались быстрее пота, которым Лектор обливался в стартовые полчаса своего марша. Войдя в ритм, он перестал потеть, выровнял дыхание и даже решил для себя, что привыкает к жаре. Но тут случилось то, что заставило Лектора встрепенуться и невольно ускорить шаг.

Нет, сначала он даже не придал значения этому банальному событию. Подумаешь, самолет пролетел! Да, над зонами нестабильности самолеты летали редко, но ведь бывало. Да, пролетел он низко, явно заходя на посадку. Ну и что? Значит, где-то поблизости аэродром имеется. И что раскраска у самолета определенно военная, тоже не удивительно. По нынешним временам это даже нормально. А что самолет американский – не загадка вообще. Над Пакистаном они всегда свободно летали. Хотя... проверить информацию стоит. Это нетрудно.

Лектор достал смартфон и открыл карту. Никакого аэродрома на ней обозначено не было. Это казалось странным. Самолет летел ровно, на вынужденную посадку ситуация вроде бы не походила. Впрочем, если аэродром военный, его могли и не нанести на карту. Лектор открыл спутниковый вид карты и тут же обнаружил в десяти километрах к северо-востоку неприметную, но довольно длинную посадочную полосу, три ангара, радары и диспетчерскую башенку. Выглядело все скромно, но длина полосы внушала уважение. Скорее всего для посадки здоровенных американских транспортников она годилась. Короче, вопрос номер один получил ответ.

И вопрос номер два тоже – ориентирована полоса была так, что зайти на посадку можно было либо с юга, либо с севера. Ветер дул несильный, но ощутимый, и дул с севера. Значит, заходить на посадку пришлось именно с юга. Вот и ответ на вопрос – почему рискнул и прошел над зоной. Оставался вопрос номер три – почему Лектора вдруг настолько заинтересовало то, что он увидел? С чего вдруг он почесался и полез в карман за смартфоном?

Лектор замер и мысленно обругал себя последними словами. Вот именно, почесался! В прямом смысле. В кармане рядом с гаджетом лежал пакаль. И Лектор ощутил вибрацию артефакта, но рефлекторно достал смартфон, поскольку подсознательно ожидал вибрации именно от гаджета, а никак не от металлической пластинки. А когда достал, решил заглянуть в карту –

ведь зачем еще было доставать смарт, который здесь работает только в режиме справочника? Все сплошные рефлексы. Но жужжал-то не смартфон, а именно артефакт. И насколько Лектор разобрался в особых свойствах артефактов, это «жужжание» было неспроста. Оно означало, что где-то поблизости есть еще один пакаль, и поскольку было кратковременным, усилилось, а затем ослабело, соответственно приближению-удалению самолета, сомнений не осталось. Пакаль находился на его борту.

Лектор удовлетворенно щелкнул пальцами. Он был доволен своей проницательностью. А почему нет? Вот еще подсказала бы эта проницательность, что делать дальше. Идти к аэродрому? Продолжать путь к форту?

Лектор еще раз сопоставил факты и принял решение. Идти следовало в форт. Только не вразвалочку, а рысью. Не требовалось иметь семи пядей во лбу, чтобы понять – на борту самолета прибыли конкуренты. И постигшее Лектора невероятное везение – он не только узнал о конкурентах, но и фактически опередил их часа на два – следовало использовать на всю катушку. Лектор был почти уверен, что с пассажирами, прилетевшими этим самолетом, возникнут проблемы. Если уж люди прилетели за пакалем, наверняка они имеют для достижения своей цели все необходимое. От решимости до оружия.

Лектор спрятал смартфон, на всякий случай осмотрелся и припустил в сторону форта рысью. То, что в район древнего форта прибыла уже вторая группа квестеров, говорило само за себя. Артефакт или несколько артефактов здесь имелись, без сомнений. И кто до них доберется первым, пока было не определено. Почему бы не Лектор? Да, он один, без группы, но зато он явно вырвался вперед. Кто успел, как говорится, тот и съел. Почему нет?..

...Притаившийся на ближайшей скале худощавый «серый» наблюдал за Лектором очень внимательно. Создание иллюзии требовало сосредоточенности. Человек был оглушен и подавлен жарой, лежащий у него в кармане пакаль делал доступ к подсознанию Лектора практически свободным, но при всех этих условиях, внушение следовало провести с максимальной тщательностью, чтобы у Лектора не возникло ни малейшего подозрения, что «увиденный» им самолет – лишь иллюзия. И что вибрация пакаля в кармане у Лектора – это реакция артефакта на зеркальный пакаль, который имел при себе «серый».

Когда Лектор принял решение двигаться к форту Рохтас, «серый» расслабился и скрестил руки на груди. Все шло по плану. «Серый» спрыгнул со скалы и взглянул вслед Лектору. Теперь «серый» мог не беспокоиться. Неважно, кто извлек золотой пакаль из упавшего в пропасть автобуса. Сейчас артефакт находился где-то в форте, и можно не сомневаться, что Лектор найдет вещицу и отнимет ее у нынешнего владельца. По таким делам «профессиональный душегуб» Лектор был крупным специалистом.

Часть первая: Шаман

Зона разлома 11 Остров, 21 июля 2016 г.

Как песок превращается в пыль? Как живительная вода становится горькой отравой? Как люди превращаются в чудовищ? Ответ один. Ненависть. Это она заставляет стискивать зубы, перемалывая песчинки в пыль, и выплевывать горькую мутную воду, которая мешает дышать. А затем ненависть приказывает сделать то, чего не сделал бы никогда в жизни, будь у тебя выбор. Ненависть не оставляет никакого выбора. Ты должен стать чудовищем, чтобы выжить и еще хотя бы раз увидеть в той самой мутной воде свое отражение. Колеблющееся, размытое отражение человека, ставшего внутри монстром.

Крепкие пальцы врага стиснули подбородок, другая рука противника прижала затылок. Еще миг – и конец. Резкое движение по часовой – и все, перелом шейных позвонков обеспечен. Миг до смерти. Или до превращения в чудовище. Сил, чтобы сопротивляться, почти не осталось, но смириться и принять такой расклад мешает ненависть.

Подвижный ил под животом расползается, как отвратительная скользкая каша, и позволяет перевернуться как раз в тот момент, когда враг начинает смертельное движение. Правая рука будто бы сама взмывает вверх, локоть врезается противнику в зубы, а левая рука отталкивается от илистого дна. Ноги работают сами по себе, словно отдельно от тела, и в результате ситуация кардинально меняется. Вот уже враг пускает пузыри, лежа лицом вниз, захлебывается в мутной воде в каком-то шаге от берега и отчаянно извивается, пытаясь выбраться из-под недавней жертвы.

Враг силен, и кажется, что его не удержать, но ненависть придает сил. А ведь говорят, что все наоборот, что эмоции только мешают и побеждает тот, кто сохраняет в схватке холодный рассудок. Народ ошибается или дело в чем-то другом? Сейчас неважно. Сейчас надо просто удержать врага, не позволить ему поднять голову. Держать! Держать! Просто держать!

Противник несколько раз конвульсивно дернулся, а затем обмяк.

Шаман с трудом разжал побелевшие пальцы, рывком подался назад и упал навзничь. Вот теперь сил не осталось точно, разве что на два движения ногами. Сначала он ударил в бок обмякшего врага, а затем вдавил каблук в грунт и передвинулся, чтобы очутиться хотя бы наполовину на берегу. Тело противника медленно двинулось прочь от берега, постепенно погружаясь в холодную воду. Не прошло и минуты, и оно исчезло в глубине.

Прийти в себя и распрямить наконец скрюченные от перенапряжения пальцы удалось минут через пять. Удалось даже сесть, а чуть позже нащупать в песке нож, выбитый из руки противника в первую секунду схватки. Оружие добавило уверенности в себе и резко понизило градус ненависти. Успокоило, проще говоря. Жаль, не вернуло силы. Устал Шаман смертельно. И чем ниже становился градус ненависти, тем острее чувствовалась усталость.

«Не вырубиться бы, – Шаман с трудом поднял руку и вяло шлепнул себя по щеке. – Взбодрись! Приди в себя! Иначе так и не поймешь, что происходит».

Пощечина вышла никакой. Шаман ее даже не почувствовал. Словно вообще промазал и просто махнул рукой перед лицом, отгоняя комара. То есть взбодриться и хоть что-то понять Шаману пока не светило.

Двадцать первое. Четверг. Судя по солнцу, примерно полдень. Это все, в чем Шаман уверен сейчас, как было и в тот момент, когда очутился на этом странном побережье. Именно очутился. Не высадился с борта корабля, не спустился на парашюте, не приплыл вольным сти-

лем, а очутился. И сразу же попал в переplet. Из кустов у самой кромки воды вдруг вылетел разъяренный тип с ножом в руке. Ни «привет», ни «пока» бешеный агрессор не сказал. Просто накинулся и попытался Шамана убить. Почему? Ответа пока не было.

«Хотя бы выжил, – мелькнула мысль. – Значит, шанс разобраться в происходящем все-таки остался».

В сознании вдруг будто бы сломалась какая-то заслонка, и душу затопило черной вязкой субстанцией. Шаман понял, какой ценой он выжил и кем он стал теперь. Убийцей! Пусть невольным, пусть у него не было выбора, но в таких случаях имеет значение результат. Обстоятельства и мотивы вторичны. До сих пор Олег Шаманов был обычным человеком, даже не охотником, и потому не убивал никаких живых существ, не считая мух и комаров. И вдруг все перевернулось.

От нахлынувшего осознания содеянного руки сильно задрожали, и Шаман выронил нож. Секундой позже крупная дрожь охватила все тело. Олег упал на четвереньки и с трудом уполз в кусты. Как раз те самые, из которых выскочил сумасшедший тип.

В зарослях Шаман обнаружил лежку из веток, покрытых куском брезента. Похоже, сумасшедший с ножом провел в кустах немало времени. Зачем человек сидел в засаде, кого поджидал? На этот вопрос не было ответа, так же, как на вопрос – почему он набросился именно на Шамана? С кем-то перепутал?

Олег упал на брезент и закрыл глаза. Ему требовалось отдохнуть. А уж после разобраться, куда он попал, каким таким волшебным способом, и что, черт возьми, вообще происходит?!

По мере того как физическая усталость уходила, прояснялись и мысли. Какая связь? Наверное, вместе с усталостью исчезали излишки адреналина, которые прежде мешали нормально соображать. Или помогали?

Шаман в миллионный раз поймал себя на том, что опять дал волю своему главному недостатку – вьедливости на грани занудства. Когда из-за этой «тошнотворной дотошности», как скаламбурил однажды приятель Славик, от Шамана ушла жена, Олег пообещал себе забыть о дурной привычке, поклялся относиться к жизни легко и даже поверхностно, обходиться без глубокого анализа всего и вся, без ненужного застревания в деталях! Но в обещание вкралась системная ошибочка. Привычка, возможно, лишь вторая натура, то есть если она дело наживное, то, значит, и «отживное», да только это была не привычка. Это как раз и была натура Шамана. Буквоедская, педантичная, обстоятельная. Бороться с ней было все равно что пытаться управлять погодой. Но Шаман был еще и крайне упрям, поэтому боролся и, представьте себе, побеждал. Медленно, но верно. Ну, так он думал, во всяком случае.

Впрочем, это подтверждал и единственный оставшийся приятель Славик. Он, подлец такой, даже не стеснялся рассуждать об этом вслух и при посторонних, чем вызывал крайнее недовольство Шамана. Но тут уж приходилось терпеть и прощать. Во-первых, это была здоровая критика, а во-вторых, Шаманов не хотел терять последнего приятеля. Это стало бы катастрофой. Шаман был занудой, но не чокнутым. Остаться в полном одиночестве он боялся, как любой нормальный человек.

«Чего боялся, на то и напорлся. – Олег собрался с силами и уселся на подстилке. – Попал, как Робинзон, на какой-то остров, но тут же грохнул Пятницу. К одиночеству плюсуем внутреннюю пустоту от несмываемого греха. Кошмар! Впрочем, опять застреваю».

Последняя мысль была неожиданной. Нет, Шаман, как было сказано выше, и раньше пытался обрывать внутренние монологи на полуслове, но ему никогда не удавалось сделать это настолько легко и как-то даже... цинично, что ли? Обстоятельства заставили мобилизовать скрытые резервы? А при чем тут резервы? Стресс изменил личностную матрицу? Крутой поворот, если так, да только верится с трудом.

«Нет, дело в другом. В чем – непонятно, но в другом. На душе вроде бы и камень от совершенного, да только почему-то не давит. Как будто и виноват, и не виноват одновременно».

Будто бы шепчет кто-то: ты защищался, выживал, победил, молодец. Теперь наплюй и забудь. Вот! Ключевое слово – выживал! Получается, и впрямь напрасно рефлексирую?»

Шаман попытался сесть поудобнее, оперся рукой и обнаружил еще одну мелкую проблему. Болел локоть. Несильно, но чувствительно. Олег попытался осмотреть повреждение и обнаружил, что рукав походной рубахи порван, а на коже имеется небольшая ранка. Неужели враг успел полоснуть ножом? Или это Шаман так сильно съездил противнику по зубам, что даже поранился?

«Ссадина – ерунда, вон, даже кровь не течет, главное, чтобы не попала грязь. Других забот полно. Не отвлекайся».

Шаман выкинул мелкие проблемы из головы и оглянулся, словно в поисках поддержки от какого-нибудь тайного наблюдателя. Никого в кустах не оказалось, и это, как Шаман осознал секундой позже, было хорошо. Одиночество, пугавшее Олега в обыденной жизни, сейчас казалось наилучшим вариантом. Почему вдруг возникла такая уверенность, кто знает... Шаман просто чувствовал это, и все. Пятой точкой чувствовал, как говорится.

«Во всяком случае, до ближайшего поселка лучше топтать в одиночку. Если тут поблизости, конечно, есть поселки».

Не менее важным был вопрос: а стоит ли заглядывать в поселки, даже если они поблизости имеются? Защищался, выживал – это понятно, только надо еще доказать, что лишь защищался. Отпечатки на ноже оставили оба, так что, кто напал, для полиции будет тем еще вопросом.

«А-а, черт, опять понесло! – Шаман решительно поднялся. – Действовать надо, а не расусоливать! Возможно, если уйти отсюда вовремя, не придется ничего никому объяснять! До населенного пункта или до шоссе – без разницы. А там попутка – и поминай, как звали!»

Шамана вдруг словно прошило током. Попутка? А как сюда приехал? Нет, понятно, что конкретно на берег попал неизвестным способом – «очутился». Но хотя бы до подступов к этим заповедным местам должен был добраться каким-то цивилизованным или хотя бы объяснимым образом. Как раз на попутке, электричке, поезде, собственной машине... если таковая имеется. Кстати, интересно, имеется или нет?

Шаман поморщился. Он помнил о себе достаточно, чтобы составить довольно подробный автобиографический рассказ, но некоторые моменты почему-то выпали и никак не желали возвращаться в свои кластеры памяти. Работал Шаман... да и жил, каким-то занудой... шелк! Восстановился кластер! В отделе кадров завода имени Новикова, точно! Шелк! С понедельника пошел в очередной отпуск! И... и... черт! Не шелкает!

Шаманов поднял рассеянный взгляд и вдруг понял, что вот уже несколько минут находится в движении. Топает по тропинке через светлый березовый лес. Дошелкался! А если бы опять нападение прошляпил? А нож так и остался на берегу! Черт!

Олег остановился и настороженно осмотрелся. Нет. Здесь тихо, как было и на берегу по завершении кошмарного инцидента. Только вода не плескалась, и листва шелестела не мелко и часто, как в прибрежном ивняке, а серьезно, размашисто, объемно, как впрочем и полагается зелени зрелых берез. Спокойно здесь было. И все-таки Шаман больше не расслаблялся ни на минуту.

Во-первых, ему показалось, что в этом спокойствии есть какая-то фальшь. Вот вроде бы все нормально, даже красиво, хоть и погода хмурится, а что-то не так. Словно это все декорации на сцене, за кулисами которой прячутся люди. Тихо стоят, не шевелятся даже, но сопение слышно. Едва-едва, но от этого лишь тревожнее на душе.

Вторым мобилизующим моментом стало понимание, что населенные пункты рядом все-таки имеются и находятся гораздо ближе, чем можно было предположить. Впереди, в просвете между березами, виднелась разбитая грунтовка с островками доисторического асфальта. Между дорожной колеей и полосой редкого молодняка пролегла глубокая канава, из которой,

как мачта тонущего корабля, торчал ржавый столбик дорожного указателя. Белая табличка в траурной рамке тоже изрядно проржавела, но название населенного пункта, который, по-видимому, располагался за поворотом, оставалось читаемым.

«Замятино. – Шаман снова почти физически ощутил, как «шелкнули», восстанавливаясь, «кластеры» памяти, поврежденной неизвестно чем, когда и как. – Точно! Замятино! Я ведь сюда и ехал!»

Олег в один миг вспомнил всю предысторию. Славик недавно прикупил в этом Замятине домик с участком соток в тридцать или больше и пригласил Шамана это дело отметить. Олег долго отбрыкивался, но к отпуску созрел и поддался на уговоры приятеля. Тут еще совпало, что и сам новоявленный сквайр пошел в отпуск, и жена его... Короче, поводов нашлось предостаточно, оставалось только собраться. Что ж тут поделаешь, пришлось собираться. Шаман прихватил пару бутылок КВВК, коробку конфет – Марине, жене Славика, оседлал верного «Логана» и выдвинулся в сторону «сто первого километра», в деревню, к дядьке, в глушь, в... Замятино. Точно! Все так и было!

Олег даже припомнил кое-какие мысли, наблюдения и мечты, пришедшие в голову за время пути. Например, как размышлял, а не поискать ли и ему загородный домик, как обгонял колонну военной техники, а еще вспомнил палаточный городок – похоже, также военный, который разворачивался в поле где-то на полпути к заветному «сто первому километру». И дождь, зарядивший так не вовремя, уже почти у поворота к Замятино, Шаман отлично помнил. Вероятно, это после него столько луж вокруг и колея размыта. Но вот чего Олег не мог вспомнить – каким образом он попал на берег странной реки, широкой, как приличное искусственное море, но глубиной с городскую лужу? И такой же грязной, кстати сказать. Шаман должен был помнить, как ехал от шоссе до деревни, как встретился со Славиком и Мариной, оставил машину во дворе и, пока хозяин машет крыльями над мангалом, пошел изучить окрестности и прогуляться до разлившейся от дождей реки. Чем не сценарий? Очень даже естественный. Скорее всего так и было, но где воспоминания об этих событиях? Что это за выпадение фрагментов памяти на трезвую голову? Досрочный склероз? Почему же так резко?

«А вдруг опухоль мозга?! – Шаманов обомлел. – Нет, правда, а вдруг?! Вроде бы подходят симптомы. Если так... это же... полный...»

Запугать себя окончательно Шаман не успел. За него это сделали другие. Ровно в ту же секунду, когда от ужасной мысли Олег едва не сел прямо на землю, из-за поворота появились трое оборванцев. Вот прямо натуральных оборванцев, не на каждой помойке таких увидишь. Шаман подозревал, что в деревнях относятся к внешнему виду просто, но никак не предполагал, что настолько просто. Или это были не деревенские? Тогда какие? В смысле – кто? Дружки того сумасшедшего с ножом?

В первый момент Шаманов рефлекторно подался назад, но уже в следующую секунду он все-таки сел. Не на землю, на корточки, но сел и замер в полнейшем недоумении. Версия о связи этой троицы с тем сумасшедшим казалась вполне состоятельной. Эти трое выглядели, как натуральные психи. Шли, размахивая руками, подергиваясь всем телом, хаотично пританцовывая и корча всевозможные гримасы. При этом они не играли на публику за неимением таковой и не дурачились, строя морды друг другу. Шли они в одном направлении, но будто бы каждый сам по себе.

Впрочем, на самом деле обмер Шаманов не от этого. Нервные судороги троицы были «цветочками». «Ягодки» выглядели намного страшнее. Шаманов разглядел их, когда троица подошла ближе, почти поравнялась с покосившимся дорожным указателем. «Ягодками» оказались крупные гниющие язвы на лицах и прочих открытых частях тела у всех троих. А еще Шамана поразило состояние «поля» для этих «ягодок». Ну, то есть кожи. Она была серой, с зеленоватым отливом, прямо будто у залежавшихся мертвяков! Но ведь эти трое передвигались. Их еще и колбасило в полный рост. Разве с мертвыми так бывает?

«С мертвыми – нет, – ответил сам себе Шаман, – а с какими-нибудь больными в последней стадии... рака мозга, например...»

Мысли снова вернулись к ипохондрической версии, но лишь на миг. Троица почти поравнялась с укрытием Шамана и вдруг... замерла самым натуральным образом. Будто бы и не было никакой трясушки ни у одного из троих. А в следующий миг все разом, как по команде, обернулись в сторону Шамана и одновременно оскалились.

Олег обомлел окончательно. Эти трое «психов» смотрели на него совершенно высохшими, бескровными, а потому мутно-белесыми глазами. И оскалы у всех были похожие: растянутые губы были серыми, в деснах ни одной розовой прожилки, языки сморщенные и тоже серые, а стекающая по подбородкам слюна желтовато-зеленая, как застарелый гной.

Нет, эти трое не могли быть пациентами какой-то местной клиники. Слишком уж экзотическое заболевание их посетило. Таких «больных» должны держать в полнейшей изоляции за тремя рядами колючей проволоки. Шаман несильно разбирался в медицине, но его бывшая жена работала врачом, да и в больничках он лежал пару раз, многое подметил и запомнил. А еще он дважды бывал «на экскурсии» в морге. И вот если сравнивать, эти трое «психов» больше походили на контингент подвалов больниц, чем на обитателей палат. И тот факт, что они передвигались, скалились и тарасили мутные «глазья», ничего не опровергал.

Сугубо практическому и рациональному естеству Шаманова претила созревшая в глубине сознания версия, но другой он придумать не мог. Причем не из-за скудной фантазии, а просто... все сходилось! Все признаки, и реальные, и мистические, легко укладывались в один ящик с киношной надписью «зомби». И если на деле окажется, что это все-таки зараженные неведомой бактерией больные, Шаман не видел ничего предосудительного в том, что какое-то время они будут носить гордое звание «зомби». Для простоты восприятия. Хотя какая уж тут простота – зомби в городе, ну, то есть не в кино, а в реальности! Очуметь!

Зомби вдруг прекратили скалиться и бросились к Шаману. Плюс к тому затрещали кусты слева. Похоже, сквозь них ломались еще несколько оголодавших бродяг...

...Олег не стал усложнять себе жизнь дальнейшими размышлениями, собрал остатки сил и воли, кое-как распрямил ватные ноги и дал деру, направляясь куда-то вправо. Почему туда? А какая ему была разница? Пространственное воображение утверждало, что позади река, а значит, свободно лишь справа. Вот и выбрал направление.

И снова интуиция не подвела. Деревня Замятино находилась именно там, справа от укрытия Шаманова, причем недалеко. Олег даже не успел запыхаться, как пулей вылетел из леса, перемахнул через покосившуюся ограду, одним прыжком поднялся на хлипкое от старости крыльцо большого бревенчатого дома и забарабанил в дверь.

«Улица Центральная, дом 15», всплыл в памяти адрес Славика. Шаманов попытался взглядом отыскать табличку на стене, но не нашел. Впрочем, вряд ли это была улица Центральная, скорее какая-нибудь Окраинная или Лесная, так что надеяться на встречу с другом не имело смысла. Да и не за этим Шаманов ломился в избушку. Он буквально спиной чувствовал, что троица «зомби» пустилась в погоню, и потому хотел лишь одного – спрятаться.

Топот преследователей был тяжелым, под ногами хрустели сухие ветки, но при этом Шаманов не слышал ни хриплого дыхания, ни каких-нибудь еще характерных для людей звуков. Эти «больные психи» будто бы и впрямь не дышали! Олег обернулся и уставился на приближающихся зомби. Бежали они резво. Им оставался десяток шагов до ограды и столько же до крыльца. А дальше...

Шаман нервно сглотнул вязкую слюну. Представлять себе, что будет дальше, ему не хотелось... и, к счастью, не пришлось. Дверь за спиной скрипнула, кто-то схватил Олега за ворот и резко потянул назад. Шаманов не успел схватиться за дверной косяк и провалился в темноту и прохладу.

На пару секунд Олег растерялся, но потом сориентировался, вырвался из капкана и резко обернулся. Впрочем, никто его больше и не держал.

Хлопнула дверь, лязгнул засов, что-то гроыхнуло, а затем... неожиданно щелкнул затвор фотоаппарата и сверкнула вспышка. Самая обычная, двойная, против «эффекта красных глаз».

Шаман временно почти ослеп, но краем глаза все-таки уловил движение справа и потому рефлекторно подался влево. Как раз в это время к нему вернулось зрение и он увидел... себя! Ну, то есть собственное отражение в большом, потемневшем от времени зеркале.

Выглядел Шаман так себе: чумазым, взлохмаченным и осунувшимся, но в остальном – как обычно, среднестатистическим городским жителем. Рост метр восемьдесят пять, фигура в прошлом спортивная – детство и юность прошли в бассейне, даже значок КМС удалось заработать – но теперь слегка оплывшая, волосы русые, глаза серые, глубоко посаженные, брови вечно сдвинуты, между ними выраженная вертикальная «складка гордеца», нос прямой, скулы не выступают, подбородок «волевой». В целом – нормальная внешность. Вот только характер скверный и упрямство граничит с занудством, но это к внешности не относится. Короче, ничего нового Шаман не увидел. А между тем хозяева избушки словно настаивали – смотри внимательно, изучай себя, не изменился ли?

К этому выводу Шамана подтолкнул тот факт, что зеркало не висело на стене, а находилось в руках у высокой брюнетки лет двадцати пяти, симпатичной, с правильными чертами лица и большими карими глазами. Одета она была по-городскому, да и макияж был наложен грамотно, салонно. В деревне Замятино имеется косметический салон? Как-то не верилось. То есть вряд ли эта девица была тут хозяйкой. Что это меняло? Уравнивало в положении, вот что! То есть Шаманов был вовсе не обязан смотреть на свое отражение и мог с полным правом потребовать отчета у брюнетки или ее приятеля-фотографа. Во-первых, что за рукоприкладство и фокусы со вспышками? А во-вторых, почему вместо хлеба и соли ему подсовывают зеркало?

Шаман требовательно махнул рукой: «убери стекляшку!» Девушка мельком взглянула на фотографа и сделала шаг назад. Как бы под защиту третьего из «хозяев», молодого, крепкого, наголо бритого мужчины подозрительно знакомой Шаману внешности.

«Бритая голова, черные брови дугой и цветные татуировки на всех видимых частях тела... колоритный типаж, но откуда? Где я его видел? Чертовы кластеры! Опять не щелкают! Когда ж эта выборочная амнезия закончится?!»

Этот третий, «колоритный» держал в руках внушительных размеров топор. Кажется, в деревнях такие называют колуном. В первый момент Шаман испугался, но очень скоро взял себя в руки. Топор – не самый страшный вариант. В замкнутом пространстве с низким потолком – не опасней ножа. А с ножами Шаман сегодня уже сталкивался, и ничего, выжил.

«Знаем, плавали».

Залихватская мысль придала Шаману смелости. Даже наглости. Он вообще чувствовал, что с каждой минутой, проведенной в странной деревне Замятино и ее окрестностях, становится будто бы другим человеком. Уже не вьедливым и скучным кадровиком, а каким-то... ну, не героем, конечно, но и не молью из городского шкафа.

Шаман припомнил, как ведут себя обычно персонажи фильмов про крутых парней, и попытался придать лицу соответствующее выражение: чуть насмешливое и уверенное. Мог выдать голос, модуляции и всякие там интонации, поэтому Шаман для пробы усмехнулся и кашлянул. Вышло вроде бы нормально, басовито.

– Вот это я понимаю, – кивком указывая на топор, заявил Шаманов. – А вот это нет, – он указал на зеркало. – Потрудитесь объяснить.

– Извините, – проронила девушка смущенно.

– Да, простите, – сказал человек с топором. – Меры предосторожности. Наташа, повесь зеркало на место, пожалуйста.

Мужчина положил топор на лавку и протянул Шаману руку.

– Тимофей.

– Точно, – Шаман улыбнулся. – Думал, откуда вас знаю. Передача «Натура Бажова». Клуб путешествий и в мире животных в одном флаконе.

– Если вы так это воспринимаете... да, – Тимофей Бажов усмехнулся и обернулся к девушке. – А ты говорила, нас никто не смотрит, рейтинг низкий.

– Я не говорила, – Наташа обозначила нервную полуулыбку. – Я говорила, ты пока не супер-пупер-звезда.

– Олег, – представился Шаман. – Шаманов. Вы здесь передачу снимаете?

– Снимали, доснимались, – недовольно проскрипел человек с фотоаппаратом – невысокий, худощавый, с козлиной бородкой, одетый в стиле «милитари» и увешанный небольшими подсумками с какими-то принадлежностями для съемочной аппаратуры. Сама аппаратура заняла половину единственного в комнате стола. – Привет, я Сева.

– Привет, – Шаман кивнул и перевел взгляд на девушку. – Наташа? Очень приятно.

– Аналогично, – девушка небрежно сделала Шаману ручкой. – А вы здесь...

Она взяла паузу и выразительно стрельнула глазками. Определенно когда-то училась на актрису. Доучилась ли? Похоже, нет.

– Можно на «ты», – Шаман, как ему казалось, отлично держал марку, вошел в образ «пробника мачо» так, что клещами не выдернешь. – Я здесь гость. Решил навестить друзей – купили себе домик в деревне. Но, как вижу, здесь возникли проблемы. Не подскажете, в чем тут дело?

– Все так сложно, – Наташа вздохнула и взглядом переадресовала вопрос Тимофею.

Телеведущий на какое-то время задумался. Рассказывать истории он умел и любил. Когда Тимофея несло – в хорошем смысле – сюжеты для программ снимали, бывало, с первого дубля, и не особо глядя в сценарий. Получалось интересно, живо, натурально. Увиденное в окрестностях райцентра Мошнино, села Замятино и деревни Алексеевка тянуло на материал для целого сезона полновесных передач об опасном путешествии, полном приключений и встреч с абсолютно новыми формами жизни... или существования – это пока вопрос. Но именно такое обилие материала сбивало с мысли. С чего начать? С первых шагов по опасной территории? А где они были сделаны? У моста? Или по эту сторону аномально разлившейся реки? Или начать с первой жуткой встречи с местными жителями, пораженными то ли неведомой болезнью, то ли каким-то проклятием?

Пожалуй, в первую очередь следовало изложить базовую версию, без раскадровки и четких привязок к местности. А дальше, если потребуется, развернуть ее, насытить и расписать в красках. Или как-то так.

– Обстановка действительно непростая, – решил наконец Бажов. – Но разобрались в этом мы не сразу...

...Подозрения, что день не задался, возникли у Тимофея Бажова еще рано утром. Сломался микроавтобус. Пришлось договариваться с шефом, чтобы он пожертвовал джипом, который только-только отмыли после прошлой экспедиции. Как говорится, поскольку Тимофей не позавтракал, «красноречие его было необыкновенным», и шеф сдался, но предупредил, что водителя не будет. Степан останется разбираться с «микробом», а Колбас Колбасыч ушел на больничный. В иной ситуации Тимофей просто отменил бы поездку, но в этот раз согласился бесплатно поработать заодно и шофером. Очень уж перспективная тема маячила на горизонте.

Вторым препятствием стал затор на выезде из города. Какой-то чудаков не вписался в поворот, кувыркнулся прямо посреди дороги и собрал на последнем городском светофоре прилич-

ную пробку. Объезжали по обочине, медленно и нудно, поэтому на шоссе экипаж Бажова очутился с опозданием в час или больше.

Дальше вроде бы все пошло нормально, полсотни километров пролетели, как на крыльях, но едва все расслабились, на пути возникла проблема номер три. Джип догнал военную колонну, которая «тошнила» не быстрее семидесяти, а на подъемах – еще медленнее. Тимофей обогнал несколько машин, но затем уткнулся в корму БТР и надолго завис в облаках дизельного выхлопа, поскольку встречный поток сделался на удивление плотным. Казалось, что со стороны области в город потянулись все имеющиеся машины сельчане. Колхозная ярмарка сегодня открылась, что ли? И чем на ней торгуют в конце мая? Ранней редиской, зеленым луком и лежалой картошкой?

У Тимофея сразу промелькнула мысль о самом худшем варианте, о том, что здешние спокойные прежде места не миновала участь множества территорий, именуемых зонами нестабильности, и встречный поток состоит из беженцев. Но в тот момент Бажов отмахнулся от мрачной мысли. Очень уж не хотелось в это верить. Так все было замечательно, особенно на фоне тревожных новостей из разных уголков мира, и вдруг «Божья кара»? За что? Нет, крайний вариант следовало рассматривать в последнюю очередь. На этом Тимофей и успокоился. Временно.

Вдоволь надышавшись дымом и выслушав все, что о его водительском мастерстве думает скрипучий Сева, раздраженный Тимофей все-таки обогнал колонну, подрезал идущую впереди машину ВАИ и умчался вперед, но радость была недолгой. За каких-то пятнадцать километров до цели – райцентра Мошнино, возникло новое препятствие. На трассу и окрестности рухнул ливень. Прямо так, не хлынул, даже не пошел стеной, а рухнул. Дворники работали на всю катушку, но не справлялись, да и если бы справились, видимость составляла ровно один метр. До края капота. Пришлось съехать на обочину и тупо ждать, когда закончится это атмосферное безобразия.

Ливень закончился минут через пять, а вот сменивший его дождь затянулся на несколько суток. Но тогда еще ни Тимофей, ни его спутники не догадывались, что их ждет затяжное реалисти-шоу «в мире лягушек». Ведь последний прогноз погоды обещал «по области кратковременные дожди».

Незадачливые путешественники вновь двинулись по намеченному маршруту и вскоре наткнулись на последний, главный барьер. Трасса оказалась наглухо перекрыта машинами ДПС, позади которых стояли военные грузовики. От комментариев гаишники отказались, лишь посоветовали возвращаться в город, поскольку «дорога откроется не раньше понедельника». На удивленную реплику Севы: «так ведь сегодня только пятница» блюстители дорожного порядка не отреагировали.

Пришлось провести «летучку». Наташа была за возвращение, Сева колебался, а Тимофей настаивал на продолжении банкета. Зря ехали, что ли? Такие трудности преодолели, и все зря? К тому же в окрестностях Мошнино явно что-то случилось. Репортерское чутье подсказывало, что назревает сенсация, разве можно было от такого отказаться? Позже выяснилось, что чутье не подвело, только не предугадало масштабов сенсации. И последствий.

В общем, двумя голосами против одного решили продолжать экспедицию, и Тимофей аккуратно объехал пост по лесам и полям. Вновь вырुлить на шоссе удалось у моста через разлившуюся речку. Вокруг суетились военные, они что-то строили и разворачивали целый палаточный лагерь, но остановить джип не пытались. Им было не до того.

В чем проблема, Тимофей понял, когда группа очутилась на мосту. И здесь, и у моста с другой стороны скопилось множество машин. И они все прибывали. Пробка получилась – не в каждом городе увидишь. Машины забили мост в три ряда, но главное – почти не двигались. На «городской» стороне моста стояли рогатки и шлагбаумы. Пропускали через КПП по одной машине в пять, а то и в десять минут после тщательного досмотра и каких-то подозри-

тельно задушевных бесед с водителями и пассажирами. Особенно подозрительным было то, что беседы с гражданами вели военные в костюмах химзащиты. Да и все остальные служивые, включая полицейских и мелькающих кое-где спасателей, расхаживали в респираторах или хотя бы в марлевых масках.

Для проезда в сторону Мошнино оставалась всего одна полоса, да и та – протиснуться со сложенными зеркалами. Для проезда военной техники лазейка явно не годилась, но не сталкивать же гражданские машины в реку. Вот военные и решили поступить, как привыкли, – прямолинейно, зато надежно. Они подогнали несколько десятков грузовиков с понтонами и принялись наводить переправу в сотне метров от стационарного моста. Когда джип съёмочной группы проезжал по стационарному мосту, наведение понтонной переправы как раз вступало в завершающую стадию. На воду были спущены катера, которые должны были развернуть сцепленные понтоны поперек реки.

Едва мост остался позади, Бажов, будто бы предчувствуя что-то интересное, прижал машину к обочине и уставился в окно. Катера как раз взялись за дело. Вернее – попытались взяться за дело. Вывести понтонную сцепку им не удалось, поскольку оба катера вдруг заглохли. И сколько ни пытались экипажи завести свои суденышки, ничего у них не получалось. Пронаблюдав за мучениями военных минут пятнадцать, Тимофей решил, что этот сюжет затянется надолго, а потому лучше продолжить путь.

В «маршрутном листе» кроме Мошнино значились еще два названия: Замятино и Алексеевка. Именно в треугольнике, обозначенном этими населенными пунктами, добровольные помощники-следопыты обнаружили нечто настолько странное, что не поленились всеми правдами и неправдами отыскать Тимофея. Поначалу Бажов не поверил следопытам, решил, что их видеоролики и закадровые пояснения – это какой-то розыгрыш, но на всякий случай заглянул в Сеть и вдруг обнаружил нечто похожее, но уже за авторством других любителей погулять в лесу. А на следующий день роликов стало так много, что Бажов не выдержал и отправился к шефу с идеей экспедиции в странное местечко. И вот он был практически на месте.

Тимофей свернул с шоссе и направил машину в сторону Алексеевки. Почему-то ему казалось, что начать следует не с райцентра или достаточно крупного села Замятино, а с этой небольшой деревеньки. И чутье вновь не подвело.

Именно на окраине Алексеевки группа встретила первого бродячего мертвяка. Ну, или зараженного неведомой инфекцией больного – в тот момент понимания проблемы у Бажова еще не было. Ясно было одно: человек нездоров, можно даже сказать, «перерожден», и, похоже, не вчера, а задолго до начала сезона дождей. Выглядел он настолько жутко, что в первый момент никто не поверил своим глазам. А как поверишь, если тебе с пеленок говорят, что ходячие мертвецы – это сказка? И вдруг – получите, распишитесь! – прямо на тебя топает материализовавшийся сказочный персонаж. Кощей бессмертный! Или, выражаясь современным языком, – зомби! Это ж вынос мозга!

Когда первый шок пошел на убыль, Тимофей от души топнул по педали газа, и машина ворвалась в деревню, словно передовая тачанка конницы Буденного. И так же лихо затормозила, чтобы не собрать на передний бампер с десятков местных жителей. Вернее, местной нежити.

Все члены встречающей делегации были «колоритными» по полной программе, но больше всего Бажова напугало не это. Они двигались вовсе не так, как представляют себе любители голливудских страшилок. Пока они не видели цели, их поведение смахивало на поведение припадочных: дергались, как под током, размахивали руками, корчили ужасные рожи. Но стоило им увидеть машину с людьми, все «зараженные-перерожденные» мгновенно преобразились. Их движения стали рациональными, быстрыми и, хотите – верьте, хотите – нет, вполне осмысленными. Во всяком случае, когда стих скрип тормозов, перед бампером ни одного зомби не оказалось, они мгновенно убрались с дороги и бросились на машину с флангов. И в

стекла они били не кулаками и не локтями, а поднятыми с земли палками и камнями. Хорошо еще, что тяжелых колов и крупных камней поблизости не нашлось.

Джип вылетел из деревни задним ходом, выполнил «полицейский разворот» и помчался обратно к шоссе, но на небольшом перекрестке в километре от Алексеевки его поджидала приличная толпа нежити. В сознании у Бажова еще не уложилось, что все эти существа больше не люди и что теоретически он с чистой совестью может врезаться в толпу и разбросать всех тварей, как кегли. Это ведь только в кинофильмах герои мгновенно ставят диагнозы и начинают мочить зомбаков направо и налево. Бажов допускал, что все эти люди просто больны, а потому попытался избежать «массового наезда» и свернул направо. Как выяснилось впоследствии, на дорогу к селу Замятино.

Собственно, так группа и очутилась там, где очутилась. Все, что происходило дальше, можно описать в нескольких словах. Группа не раз пыталась выбраться из ловушки, но лишь утопила джип в непролазной грязи и была вынуждена вернуться в Замятино. В этом селе количество нелюдей на квадратный километр было, пожалуй, минимальным, а всевозможных запасов на складе местного сельпо и в погребах, брошенных жителями домов, было достаточно, чтобы прожить хоть целый год. Кроме того, в селе и вокруг него то и дело мелькали военные, которые с переменным успехом пытались зачистить местность от нежити. Кстати, именно военные несколько прояснили ситуацию и подкинули пищу для размышлений.

Случилось это на седьмой или восьмой день пребывания группы в карантинной, как выяснилось, зоне. Военные впервые на памяти Тимофея забрели в поселок, поскольку их разведка обнаружила нескольких вновь прибывших, вероятно, любителей приключений, которые непонятным образом пробрались мимо блокпостов. Эту «вводную» Бажов подслушал, затаившись на всякий случай в тени глухого забора одного из дворов на улице Центральной, неподалеку от местной церквушки. Сюда временные жители Замятино повадились ходить за соленьями, которых было полно в погребе старого, но недавно перекрашенного домика. Обняв трехлитровую банку с квашеной капустой, Тимофей прильнул к забору и прислушался к беседе двух бойцов, куривших по ту сторону ограды. Сами они называли себя то химиками, то чистильщиками.

То, что Тимофей услышал, стало для него даже большим потрясением, чем первая встреча с нежитью. И не только для него. Сева, выслушав его рассказ, замолчал на сутки, а Наташа, наоборот, все те же сутки билась в тихой истерике.

Чистильщики не церемонились ни с кем. Ни с условной нежитью, ни с безусловно живыми нарушителями режима. Всех явно больных они отстреливали, а остальных грубо бросали в машины и увозили в подвалы какой-то базы, расположенной неподалеку от Замятино. Как понял Тимофей, девять из десяти внешне здоровых нарушителей оказывались носителями «зомбической чумы», а потому из подвалов их перемещали для проформы в лазарет, а затем в печку, поскольку лекарства от заразы у военных не было, и когда оно появится, никто не знал. Да и появится ли вообще, было под большим вопросом.

Вторым пунктом просветления стал окончательный ответ на вопрос, зомби или не зомби. Ответ: не зомби – все-таки не в кино дело происходит, а в реальности – но больны все зараженные смертельно и безнадежно. У военных в этом не было никаких сомнений. Почему они решили, что местное население постигло заражение, а не перерождение-превращение в ходячую мертвечину? Этого Тимофей не понял. Лично он склонялся все-таки к «киноверсии» хотя бы потому, что все «застреленные» нелюди поднимались, отряхивались и уходили к себе в леса. Гнить в земле, как все приличные мертвяки, оставались только основательно поврежденные экземпляры: сгоревшие, расчлененные или хотя бы лишившиеся половины головы. Обо всем этом чистильщики рассуждали долго и описывали такие случаи во всех подробностях. Тимофей едва не проблевался прямо в банку с капустой. Однако при всем при этом чистильщики все же не гнушались называть зараженных «зомбаками». Хотя чаще называли их привычно –

«духами». Почему же тогда официально противник именовался не зомби, а именно зараженными? Зачем военные пытались себя обманывать? Видимо, чтобы сохранить боевой дух.

Узнав еще кое-какие детали, Бажов бесшумно убрался из опасной зоны, благополучно вернулся к своим коллегам и поделился с ними новой информацией. В том числе выводами по теме «зомби или не зомби». После этого, как было сказано выше, группа на сутки погрузилась в депрессию.

С тех пор застрявшие в карантинной зоне телевизионщики прятались и от нежити, и от живых. Ведь теперь было совершенно непонятно, какая встреча опаснее. Но эти прятки не были добровольным заточением. Творческая и любознательная натура Бажова требовала изысканий, и он ежедневно выбирался в мини-экспедиции. В результате Тимофей неплохо изучил местность, повадки нежити и сделал немало интересных выводов.

В первую очередь он понял, почему военные, регулярно заглядывая в село, лишь прочесывали улицы, но не совались в дома. Нежить обходила стороной любое строение с крышей и трубой, а значит, и военным незачем было тратить время на прочесывание домов.

Или еще одно наблюдение: зомби сторонились открытых водоемов. Причина пока была неясна, но факт железный. При этом зараженные не боялись воды, как таковой. В лесах, где они предпочитали прятаться во время дождя, было мокро, ведь кроны деревьев – не зонтики. Но рек, озер и даже луж они сторонились.

Этим фактом, кстати сказать, объяснялось и то, что карантинная зона не росла. Об этом Тимофей узнал из другого разговора военных, подслушанного неподалеку от их базы, в нескольких километрах от Замятино. Стараниями аномальных дождей кругом все было залито водой, и Мошнинский район превратился в реальный остров. Естественная водная преграда и заперла всю эту зомбическую заразу в пределах карантинной зоны. Что будет, когда дожди прекратятся и реки вернутся в свои берега, а лужи и пруды высохнут? Возможно, придется объявлять карантинной зоной всю область, а возможно, к тому времени проблему заражения удастся как-то решить. Пока никто не загадывал. Даже синоптики. Ведь погода тоже вела себя как-то странно, и метеослужба просто отказывалась делать внятные прогнозы.

Вот как-то так...

...Тимофей выразительным взглядом обозначил, что закончил монолог, но Шаман не спешил с комментариями. Какое-то время он перебарывал информацию, глядя в одну точку. Затем вынырнул из задумчивости и кивнул.

– В целом понятно. Это когда было? В смысле, когда вы сюда приехали?

– В конце мая. Двадцатого. Получается, два месяца назад.

– Два месяца?! – Шаман удивленно вскинул брови. – Уже два месяца живете в этой дыре, втроем?

– Если не считать зомбаков, – проскрипел вечно недовольный Сева. – И таких, как ты, гостей.

– Но гости здесь не задерживаются, – добавила Наташа. – Никто не верит, что в лесах опасно. И что военные не помогут – тоже не верят. Все или на базу, или к мосту уходят. А мы с ними весточки отправляем. Связи ведь нет.

– Постойте! Как это «связи нет»? Я только вчера говорил с приятелем по телефону. Обсуждали детали совместного отпуска. Как такое может быть?

– Может, – уверенно ответил Бажов. – Мы не в курсе деталей, но в целом... многие вновь прибывшие рассказывали, что созванивались с людьми на острове. Даже пытались перезвонить прямо при нас. Но перезвонить ни у кого не вышло.

– И не могло выйти, – опять проскрипел Сева. – Ведь только мы, как последние идиоты, сюда сунулись и застряли. А все местные как раз два месяца назад или эвакуировались, или вымерли. Ну, то есть переродились. Но мы не видели, чтоб зомбаки по телефону болтали. Они вообще говорить не могут. Не дышат ведь.

– Странно.

– Более чем, – согласился Тимофей.

– Хотя, конечно, превращение людей в черт знает кого – вообще невероятная тема. Вы уверены, что вояки ошибаются и все вокруг теперь... эти... реальные зомби?

– Можете называть их нелюдями, нежитью, тварями, ходячими мертвяками, если не нравится слово «зомби», – Тимофей пожал плечами. – Суть не меняется. Пульса у них нет, дыхания тоже нет, убить их... то есть нейтрализовать, можно, только если расчленишь или сжечь, или хотя бы башку продырявить хорошенько. Но при всем при этом они довольно резво и осмысленно двигаются и кусаются. Как я уже рассказал.

– А бывает, хомячат жертву с потрохами, – подсказал Сева. – Тут по настроению.

– Или так, – Тимофей кивнул. – А главное, зараженные через укус люди превращаются в зомби. Правда, только когда попадают под лунный свет. И не мгновенно, а в течение суток после «облучения».

– За эти сутки они и теряют свою душу, – тихо сказала Наташа и вздохнула.

– А еще отражение в зеркале и тень, – закончил Сева.

– Как-то это не очень, – Шаман поморщился. – Не вампиры же они.

– Доппельгангеры, – подсказала Наташа. – Мы решили так их называть. Двойники. Плохие копии тех, кто раньше был человеком. Или можно сказать – худшие половины их сущностей. Бездушные.

– Это как понимать? А где оригиналы? Или что там... лучшие половины сущностей?

– Они постепенно уходят.

– И куда?

– Мы пока не поняли. Но другого объяснения не придумали. А что, плохая версия?

– Ну, так... – Шаман неопределенно помахал рукой, – сыровата, мягко говоря. Вот если б вы точно знали, куда уходят их лучшие половинки. Ведь не к маме в Брянск уезжают.

– У нас есть мысль, но ты опять не поверишь, – инициативу перехватил Сева. – Вот, посмотри. Только на нашем канале, эксклюзив, не переключайтесь.

Он включил фотокамеру в режим просмотра снимков и развернул экран в сторону Шамана. В кадре был участок улицы и опушка леса. Снимок был сделан из окна убежища. Кроме пейзажа Шаман сумел разглядеть один вполне четкий силуэт человека и еще несколько размытых пятен, будто бы небольших столбов дыма, не успевших подняться выше пары метров и развеяться.

– Это что?

– Это они, зомбики наши, зомбачки, зомбульки, – Сева скривился и указал на силуэт. – Вот его мы раньше не видели. Пришел утром, как ты, со стороны большой воды. Свежак. А еще там как бы есть местные, бывшие жители села Замятино...

– Теперь можно называть его Зомбятино, – невесело проронил Тимофей.

– Это да, – Сева тоже усмехнулся, правда, умудрился и это сделать как-то недовольно, без огонька. – Короче, зомбятинцев в кадре нет, хотя они тоже тут бродят. Давно уже. А остальные – первые сутки круги нарезают.

– Какие «остальные»? – удивленно спросил Шаман.

– Вот эти, суточные, – Сева указал на размытые пятна. – Я отражение в зеркале снимал, понимаешь?

– Ну и что? – Шаман задумчиво потер подбородок. – Все зараженные этой... «зомбической чумой» постепенно теряют отражение и тень, это я помню. И склонен вам поверить. Что ты еще пытаешься доказать?

– Ты смотри, смотри, – Сева «перелистнул» кадр. – Время видишь? Ровно секундой позже, только теперь снимок прямой, без зеркала.

– Все на месте.

- Вот именно. Включая зомбятинцев. Полный комплект.
- Запутал совсем! – Шаман на миг зажмурился и помотал головой. – У сформировавшихся зомби отражения нет, а у тех, кто пока в процессе – отражения истончаются, поскольку их материальные тела... ну, скажем, перерождаются. Что дальше?
- Вот ты тормоз! – Сева удрученно вздохнул. – Ладно, последние кадры. Жесть, смотреть до конца! Вот еще плюс одна секунда. Видишь зомбаков?
- Нет. Куда делись?
- В лес ушли. А теперь смотри на следующий снимок. Видишь отражения свежака и суточных?
- Вижу.
- Понял теперь? Самих уже не видно – деревья мешают, а сущности частично в зеркале остались!
- То есть... по вашей версии... лучшие половины их сущностей остаются... в зеркалах?
- Скорее в зазеркалье, – уточнил Тимофей. – По моей версии, роль большого зеркала, принимающего лучшие половины их сущностей, играет луна. Или даже все ночное небо. За день эти лучшие сущности уходят так далеко... или точнее сказать – глубоко... в это зазеркалье, что следующей ночью зомби уже не отражаются ни в лунном зеркале, ни в каком другом. Мистика, конечно...
- А где тут не мистика? – вставил Сева.
- ...Только более здоровой версии у нас пока нет.
- На безрыбье... сгодится. – Шаман махнул рукой и снова задумался. – Но что нам это дает?
- Как минимум твердую уверенность, что зомби не сунутся сюда! – заявила Наташа и указала на зеркало. – Они не заходят в дома, потому что боятся увидеть... то есть не увидеть себя в зеркалах! Как это связано с тем, что лучшие половины их сущностей остались в лунном зазеркалье – не знаю. Но связано! Может, они хотят думать, что с ними ничего не произошло?
- А они вообще умеют думать? – Шаман покачал головой. – Как-то не верится. Со стороны – животные животными, только на двух ногах.
- Это может быть подсознательным страхом, – предположил Тимофей. – Новым условным рефлексом. Или какой-то программой. Хотя последнее, наверное, перебор. Этак можно до заговора дофантазировать.
- А я так и говорил, – встрял Сева. – Помнишь, позавчера? Произошла утечка боевого вируса из военных лабораторий!
- Вероятное наличие этой якобы программы твоя версия не объясняет.
- Еще как объясняет!
- Возможно все, что угодно, – прерывая зарождающийся спор, сказал Шаман. – Все версии пока сырые, но что-то в них есть. В каждой понемногу.
- Главное, что все работают на один и тот же вывод, – заметила Наташа. – Не высываться! Вот почему я предлагаю сидеть и не дергаться. Два месяца просидели, и ничего, не умерли пока.
- Тьфу на тебя, – проронил Сева и поморщился. – Накарай еще.
- Можно всем вооружиться зеркалами, – Шаман пожал плечами. – Чем не решение проблемы? Сунутся, а мы им отражения предъявим... которых нет. У них в мозгах сбой программы, перезагрузка, а нас уже след простыл. А еще надо будет держаться поблизости от домов и естественных зеркал вроде озер и больших луж. Так, перебежками, глядишь и выберемся.
- А ночью?
- А ночью будем спать, – Шаман усмехнулся. – Доппель... как их там... зомбаки ваши – не вампиры, вы сами сказали. В темноте такие же кроты, как мы, наверное. Видели их ночью?

– Слышали. – Тимофей с сомнением посмотрел на девушку. – Может быть, Олег прав?
– А я лев! – Наташа сердито фыркнула. – По гороскопу. Идите, если шило в одном месте!
Я останусь здесь!

* * *

Как только Шаманов скрылся в доме, следивший за ним человек бесшумно перемахнул через низкий забор и взобрался на крышу сарая. С этой позиции было хорошо видно выходящее во двор окно. Старинные занавески с ажурной каймой были задернуты, но прикрывали они лишь нижнюю половину окна, поэтому человек без труда разглядел, что происходит в доме.

Разговоров человек не слышал, но и это не стало проблемой. Он умел читать по губам.

Когда люди в доме перешли к обсуждению вариантов прорыва к мосту, шпион покинул свою позицию и скрылся в лесу. Все шло по плану. Что, собственно, и требовалось.

Зона разлома 11

Остров, сутки назад

В новой зоне разлома было тепло, сухо и светило настоящее солнце. Квестеры разом запрокинули головы и уставились вверх. Сделали они это синхронно и смотрели на синеву неба, украшенного золотым пятаком, жадно, словно не веря, что это не иллюзия, что действительно очутились под нормальным небосводом. Последнее время они провели либо под черным куполом, либо под дождливыми небесами московской зоны, и вдруг такое счастье! Пусть снова в зоне разлома – об этом свидетельствовал собственно сам разлом, его черная клякса подергивалась неподалеку, посреди небольшой, частично сторевшей деревеньки. Пусть! Зато на нормальной почве, а не на морском дне.

Шурочка и Каспер рефлекторно чихнули – тоже почти синхронно – и это стало чем-то вроде сигнала опустить головы. Какое-то время все шурились от непривычно яркого света, но вскоре проморгались и начали озираться. В первую очередь квестерам следовало сориентироваться, куда конкретно их занесло.

«Хотя еще раньше следует поблагодарить Бибика, – решил Андрей Лунев и обернулся к бывшему полковнику, а ныне единственному настоящему квестеру в группе. – Неважно, что им двигало, он поступил мужественно».

– Спасибо, полковник, – Андрей протянул Бибику руку.

– Сочтемся, – Бибик вложил ему в ладонь черный пакаль. – Когда соберем комплект, вернешь все... сколько там получится, четыре, пять?

– Под крутой процент вкладываешь средства! – встрял Каспер.

– Верну, – согласился Андрей. – Только предупреждаю на берегу: скорее всего до ЦИК ты комплект не донесешь, отнимет Мастер Игры. Так уже было.

– Там посмотрим, – Бибик кивнул и оглянулся по сторонам. – Кстати, о берегу. Есть у меня одно подозрение... эх, жаль, доктора Чернявского не прихватили, он бы сразу сориентировался.

– В чем подозрение-то?! – не удержался Каспер.

– В том, что здесь имеется берег. И неподалеку. Разве непонятно?

– Опять море? – Каспер скривился и вздохнул. – Неужели без него никак?

– Ну, так мы разведаем, – предложил Муха. – Да, Андрей?

– Да, – Лунев кивнул, – только для начала уйдем от разлома... вон в тот лесок. Лектора из игры мы вышибли и смылись удачно, но это не гарантирует, что «серый» противник Мастера опустил руки. В свое время он не брезговал вмешиваться в игру лично, и поверьте мне, иногда очень эффективно.

– Я помню! – поддержала Андрея Шурочка. – Это когда в Дымере серый самолет нас бомбил, да? Кошмар какой-то был!

– Да, в тот раз тоже, – Лунев кивнул. – Муха, Каспер, в разведку. Встреча вон там, в лесу на холме...

...Вернулись разведчики довольно скоро, часа через два. Группа только успела прийти в себя и осмотреться. Докладывать взялся было Муха, но быстро выдохся и завис.

– Дальше-то что было? – Андрей перевел взгляд с Мухи на Каспера.

– Дальше вообще пипец, – Костя Каспер зачем-то сорвал травинку, растер и понюхал пальцы. – Подходим к берегу, видим море, только с корягами, травой, даже с островками травяными. Мелководье, короче, типа заливных лугов. Смотрим, вдалеке на отмели броневик...

– БТР девяностый, – уточнил Муха.

– А рядом пара «Камазов» военных, – кивнув, продолжил Каспер. – И бойцы бродят по колено в воде. Сразу нас засекли, на броню забрались и машут, типа «идите к нам!» Сви-

стят, кричат что-то... мы не разобрали. Ну, мы сначала попятнулись, а потом Муха говорит: «кого бояться... мы теперь типа квестеры, все легально, идем, поговорим, хоть узнаем, куда нас занесло».

– И вы пошли, – усмехнулся Бибик.

– Пошли, а чего стоять-то? Шли, шли, запарились, а ушли метров на сто. Может, чуть дальше, но не намного.

– Меньше, – уточнил Бибик, кивком указывая на экран небольшого планшета. – Пока вы ходили, я тут поковырялся в записях. Девяносто семь ровно. От уреза воды. Везде одинаковое расстояние, погрешность на волны – плюс-минус метр.

– До чего расстояние-то? – вклинулась Шурочка. – Ничего не понимаю, там стенка была, что ли?

– Подожди, – остановил ее Лунев. – Каспер, дальше.

– Короче, мы остановились, пот с глаз смахнули и видим: сколько было до военных, столько и осталось, метров триста, наверное.

– Зона отсечки представляет собой кольцо шириной четыреста три метра, – уточнил Бибик, читая с экрана. – В сумме полкилометра. То есть со стороны Большой земли ближе к Острову не подойти.

– Мы на острове? – удивилась Шурочка.

– Да, это одиннадцатая зона, – многозначительно округляя и без того круглые глаза, заявил Бибик. – Я сразу так подумал. Теперь сомнений не осталось. Кисло наше дело, товарищи бойцы и командиры. Самая гнилая территория. Во всех смыслах.

– Почему? – заинтересовался Муха. – Обоснуй.

– Вот послушайте, – Бибик прищурился и вытянул руку, чтобы лучше видеть текст на экране планшета, – что сказано в инструкции ЦИК: «Достоверных сведений мало. Невидимый барьер не позволяет ученым проникнуть в зону».

– Выйти тоже не позволяет, – заметил Каспер.

– Совершенно верно. Вот поэтому зона разлома номер 11, она же Остров, и считается опасной ловушкой. Еще никто из нее не выбирался, и обмен информацией происходит устно и письменно на квест-станции у юго-западной границы зоны. По эту сторону местные квестеры-добровольцы вещают через рупоры или пишут мелом на досках, по ту – циковские ученые это все слушают или разглядывают в бинокли, а потом записывают. Надо идти туда, может, там что-то прояснится.

– Обязательно пойдем, – пообещал Андрей, – но для начала разберемся в том, что можно узнать, не сходя с места. Есть еще что-то в твоём планшете?

– Мало. Написано, что местные жители заражены какой-то опасной инфекцией особо быстрого течения. Правда, непонятно, убивает их эта зараза или нет. Есть версия, что нет, но превращает в подобие зомби.

– Во, мы попали, – невесело хмыкнул Каспер.

– Зараза – не проблема, – высказался Муха. – Близко не подпускать зараженных, и все будет в порядке.

– Это верно, – согласился Бибик. – В третьей зоне были похожие сложности. Только не бактерии народ одолевали, а иноземные энергетические паразиты. Мы там на бывшей военной базе генераторы наладили, ток по колючке пустили и жили себе.

– И никто не заразился? – уточнил Андрей. – А если ушел погулять, а потом вернулся больной, только в латентный период? Допустим, в первый час после заражения.

– Нет. Та зараза быстро действовала. Чистая энергия была, ей скрытый период не требовался. Четверть часа – и все, был человек – стал одержимый. Так мы зараженных называли. Вокруг базы поле было почти в километр шириной. Пока дойдут, сто раз споткнутся. А еще на периметре у нас детекторы стояли. У кого сильное магнитное поле, на раз вычисляли. Ну и

шлепали, пока близко не подобрались. А то, когда близко подходили, бывало, жалость играла. Ведь уходили-то свои, а вернулись... короче, отработано все было.

– О чем и толкую, – сказал Муха. – У нас в зоне с радиацией беда была и с мутантами, но принципы защиты те же – расстоянием и пулями. Так что... будем держать зараженных на дистанции – прорвемся.

Неожиданно ближайшие кусты дрогнули, в них обозначилось какое-то движение, и Лунев с Мухой тут же взяли заросли на прицел. Секундой позже оба разом опустили автоматы. Из леса неспешно вышел «серый». Невысокий и далеко не худощавый...

– ...Это Мастер Игры, – негромко проронил Андрей, обращаясь к товарищам. – Спокойно.

– Давно не виделись, – буркнул Муха, забрасывая оружие на плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.